

Огни на Севере

ИГРА С ОГНЕМ

16+

Анастасия Сторонкина

Анастасия Сторонкина

Игра с огнем

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Сторонкина А.

Игра с огнем / А. Сторонкина — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Семья против Семьи. Люди против магов. Север против Юга. Власть против мятежников... У каждой стороны своя правда и своя сила. Но в конечном счете всякий конфликт – это конфликт человека против человека. Спустя почти четырнадцать лет после переворота жители города привыкли к новой Семье у власти, смирились и зажили спокойной сытой жизнью. Так показалось бы на первый взгляд. Но внимательный наблюдатель увидит иное. Увидит набирающее силу недовольство, увидит магов, скидывающих оковы страха, увидит тех, кто готов бороться с новой властью до последней капли крови. Чьей бы она ни была...

Содержание

1.	5
2.	10
3.	16
4.	19
5.	23
6.	26
7.	31
8.	36
9.	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

1.

Таробан, 14-й год нового правления, 3517 год от образования Ордена Защитника, как-то по весне.

«Есть только один эффективный способ лишить мага его силы. Убить мага». (Из записей бесед магистра Орены Румигэн с учениками)

В кабинете мастера канцелярии пахло бумагой, чернилами и пылью – знакомым Денету с детства набором. Но сам запах был другой. Книги в магазине отца хранили в себе тайны, знания и истории, а бумаги мастера Димиса – отчёты и скуку. Будь у молодого человека выбор, он отправился бы служить куда угодно, хоть на кухню, только подальше от бесконечных стопок бессмысленной писанины, грозивших похоронить под собой любого, кто имел неосторожность приблизиться. Впрочем, начальник канцелярии и сам был готов освободить юношу от службы у себя:

– Боюсь, что у меня нет для тебя места, Дене'т, – мастер произнёс его имя на южный манер, и юноша поморщился. – Передай мои искренние извинения дяде.

– Что ж, благодарю вас, Мастер, – Денет поднялся с кресла и повернулся к двери.

– Однако... Я могу предложить твои услуги другому мастеру.

– Прошу вас, не нужно трудов. И я, и дядя признательны вам...

– Не уверен, что ты удержишься у него, – Димис как будто и не слышал юношу, скорее рассуждая вслух, чем продолжая разговор. – У него никто не задерживается. Быть может, потому что его требования высоки... Выше, чем, наверное, у большинства из нас.

Денет замер. Может, он и не был завидным мечником, но его образованность и знание языков открывали ему дорогу в жизнь. В этом мнении его укрепил дядя. Да и сам юноша знал, что некоторые состоятельные местные купцы были готовы принять его к себе на службу. И если бы не упорство дядюшки, Денет давно бы ушел к кому-нибудь из них. Но тот хотел видеть юношу на службе у одного из мастеров, и был непреклонен. Так что же это за мастер, если подготовки юноши ему может быть недостаточно?

– Вы окажете мне честь, предложив вашему коллеге мою кандидатуру, – молодой человек старательно подбирал слова.

– Приходи завтра ближе к обеденному времени. И будь готов к отказу.

Жизнь у дяди давно была юноше в тягость. Именно ему, а не кузнам доставалась самая неприятная работа. Да и максимум, на что он мог рассчитывать, невзирая на все старания и умения, это тёплая кровать и кусок хлеба. Хотя Денет был благодарен дяде, особенно за образование, верил, что способен на большее. И когда на семейном совете юноше предложили поступить на службу к одному из мастеров, Денет согласился не раздумывая.

Тем не менее юноша понимал, что каким бы талантливым и способным он ни был, служить в Цитадели – мечта многих талантливых и способных молодых людей. Принадлежность к мастерам значила для добрых жителей Таробана, да и всей страны, едва ли не больше, чем принадлежность к правящей Семье. Ведь в ряды последней попадали не столько по умениям, сколько по крови и браку, а стать мастером мог практически любой, кто бы проявил достаточно умения, старания, знаний, хитрости и много ещё того, о чём никогда не скажут на первой встрече.

Вечер медленно накатывал на город. Небо темнело, обещая вскоре осветиться россыпью звезд, но холодный ветер с моря заставлял поднять воротник и закутаться в плащ. С юга медленно надвигалась серая пелена туч.

К переменчивой погоде Денет привык не сразу, но со временем научился понимать, когда невзирая на яркое солнце стоит прихватить теплой одежды, а когда – недолго подождать, пока и дождь, и унылые низкие тучи не уйдут досаждают другим городам на побережье. А освоившись – он полюбил и сам город, как, пожалуй, может полюбить его лишь приезжий. Большинство рожденных в Таробане и окрестностях были слишком заняты повседневными заботами, чтобы позволить себе выбраться из рутины и увидеть то, что вдохновляло художников и поэтов во все времена.

В шумном и многолюдном городе Денет отыскивал места, куда не доставала суета, и пропадавал в них в те моменты, когда хотел выскользнуть из привычного распорядка, вернуть себе ясность сознания, да и просто отдохнуть, обняв толстую книгу, которую так и не открывал. И одно из таких мест было на правом берегу возле небольшого рынка, на крыше дома, принадлежавшего когда-то зажиточному банкиру. Во всяком случае так говорили, но вряд ли кто-то помнил этого банкира или его семью, сбежавших из города добрый десяток лет назад.

Никто не мешал юноше раз за разом пробираться по пыльной и местами обвалившейся лестнице на крышу, откуда открывался отличный вид на море. Едва различимые очертания кораблей будили воспоминания об историях южных островов, диких и чуждых северянам. Быть может, потому Денет с таким рвением учил языки, в надежде однажды услышать эти истории из уст тех, кто родился не в болотистом Эмери, а под палящим солнцем.

Тучи уже спрятали горизонт, стерли тонкую грань между небом и водой, и продолжали наступление на город. Денет знал, что этой ночью будет слышать стук капель по покатой крыше дома, голос ветра, проникающего сквозь малейшие щели в стенах. Они сотрут ощущение дня вчерашнего, открывая простор для чего-то нового и без сомнения интригующего.

По деревянным ступеням к пристани медленно спускался мужчина. Стражники, отгонявшие немногочисленных зевак, молча расступились перед ним. Незнающие могли бы принять его за рядового служащего. Его не выдавала и одежда: потёртая кожаная куртка с поднятым воротом и нашивками с гербом правящей семьи Патрис. Впрочем, всех мастеров в Таробане и так знали в лицо.

Под ногами скрипнули доски, и мужчина остановился. Где-то за городом уже успело подняться солнце. Его обманчивые лучи освещали башни крепости на восточном берегу, но старые пристани оно высушит нескоро. Сюда добирались лишь промозглые ветра с залива, да немногочисленные любители прогулок на лодках.

Возле одной из них было не по-утреннему многолюдно. Служащие кружили у края пристани, изредка бросая друг другу короткие фразы. Невысокий пожилой господин сразу заметил гостя и направился к нему:

– Мастер Нейтель, очень рад, что вы прибыли так быстро. Если это тот, о ком я думаю, нам предстоит интересное время, – мужчина поднял руку, приветствуя пришедшего и кивнул, увидев ответный жест.

– Сэр Теннер, что помешает вам узнать племянника главы семьи? – мужчины подошли к краю пристани, и мастер стянул с рук перчатки. – А, да, теперь вижу.

Его собеседник лишь громко выдохнул. Комментарии были излишни. Тело, мерно покачивающееся в своем импровизированном гробу, было в дорогих одеждах, какие любил Дешон Патрис. Оно соответствовало росту и телосложению юнца, но он был это или нет – ожоги на лице не позволяли судить однозначно.

Мастер склонился над лодкой и несколько минут молча осматривал жуткую картину. О том, что Дешон пропал, знали уже не первый день, но молодой человек славился непредсказуемостью, и его не искал никто.

– Теннер? – служащий обернулся на голос. – Велите своим людям отправить и тело, и лодку в крепость. По возможности без лишнего шума. Я предупрежу мастера мертвых, что его ждёт сегодня особая работа.

К мастеру канцелярии Денет пришёл заранее. Настолько, что за время ожидания слуга, старательно начищавший каменные ступени, успел подняться от земли до места, где сидел молодой человек, и попросить его пересесть, дабы закончить свой труд.

Наконец юноша задремал, уронив голову на колени, и очнулся лишь, когда услышал знакомую торопливую речь мастера Димиса. Его сопровождал высокий мужчина в форменной одежде правящей семьи. Они неторопливо подходили к лестнице. Мастер канцелярии говорил не переставая, его спутник кивал и поддакивал, впрочем, не всегда попадая по смыслу.

Денет спустился по ступеням и успел поймать обрывок разговора.

– Вы меня не слушаете? – Димис нахмурился.

– Нет, я узнал от вас всё ещё до того, как мы зашли в арку. И с первого раза, да, – спутника мастера, казалось, занимали дела совсем далёкие.

Димис покачал головой и улыбнулся:

– Надеюсь, что это ваше неприятное дело, которое началось на старой пристани, – мастер как будто процитировал своего собеседника, – разрешится скоро и без последствий. А пока позвольте вам представить достойного юношу, желающего поступить к вам на службу. Мастер Наитель. Денет.

Названный мастером Наителем хмуро посмотрел на Димиса и перевёл взгляд на молодого человека.

– И достойный, и желающий?

Денет уловил странные нотки в голосе мастера и неуверенно ответил:

– Ну, да...

– Значит, идиот.

– Мастер! – вступился за свои же рекомендации Димис. – Дайте юноше шанс.

– Хорошо, что вы не сказали "образованный" или "способный", как про остальных, – мужчина усмехнулся. – Может статься, шанс у него и правда есть.

Денет почёл за благо не спорить, хоть и считал себя способным и образованным. Мастер Димис спешно попрощался и оставил новых знакомых наедине в пустом дворике, если не считать пары молчаливых и неподвижных стражников у арки.

– Мастер Наитель, я...

– Ты же с севера, Де'нет?

– Да, Мастер. Из Эмери.

– Даже так? Тогда сможешь называть меня правильно – Нейтель. И не рискуй ошибаться...

– Думаю, я способен на это, Мастер, – с иронией заметил Денет.

– Тогда вперёд. Мастер мёртвых меня уже заждался.

Они поднялись по той же лестнице, до мозолей знакомой Денету, но не стали спускаться в подземелья, как решил юноша, а напротив поднялись в просторные галереи этажом выше. Пройдя через огромный заставленный ровными рядами скамей зал, они остановились у резной деревянной двери, покрытой, как показалось юноше, слоем странной белой краски. Он хотел открыть дверь мастеру и протянул руку, но тот резко ударил его по запястью.

– Без руки останешься, – предупредил Нейтель и позвонил в висящий рядом колокол.

Навстречу им вышел пожилой господин, седой и морщинистый, одетый в длинный белый плащ из толстой ткани и такие же перчатки.

– Нейтель.

– Мастер Игион.

– Погодите немного, артефакт уснёт, можно будет зайти.

Мастер мёртвых снял с себя необычную одежду и передал ее слуге.

– Расскажите, что нашли, – Нейтель не хотел терять время зря.

– Ничего, что нас может порадовать. И да, это Дешон.

– Как поняли?

– Мастер-знахарь передал мне свои записи. Да, он в курсе, что надо молчать. Так вот, все особые отметины совпали.

Зазвонил колокол, теперь по ту сторону двери, и они вошли внутрь. Владения мастера Игиона, по крайней мере эта их часть, редко привлекали посетителей. Последний обряд проводился в обители Защитника, где умерший представлял чистым и подготовленным к переходу. О том же, что он не сам становился таким безмятежным и по возможности красивым, обыватели предпочитали не думать. Тела тех из горожан, кто и при жизни был вхож в крепость или цитадель мастеров, готовили именно здесь. Кроме того, Игион внимательно следил за рождением и смертью не только в Таробане, но во всех землях, с которых только долетали вести.

В комнате не было окон. Стены были обшиты тем же белым материалом. На одном каменном столе лежало изуродованное тело, на другом – артефакт. Синяя светящаяся сфера кружила по металлической клетке, не касаясь её поверхности. Денет понял, что она создавала вокруг себя завесу из холода, но почему нельзя было поместить тело в подвал, как поступали обычно?

– Я не удержался, начал работать ещё до того, как артефакт сделает своё дело, – пояснил мастер Игион. Нейтель кивнул, Денет уже открыл рот, чтобы спросить его, но тот коротко бросил "Потом". – Могу точно сказать, что его пытали. И, как видишь, его лишили рук.

– Чтобы не мог воспользоваться своими силами, – заключил Нейтель.

– Я не знал, что он был магом.

– Слабым, но всё же был. Вы успели заглянуть в его последние мгновения?

– Да, но там нет ничего кроме огня. Если смогу узнать что-то ещё, я сообщу, а пока больше ничего.

Нейтель поблагодарил мастера мёртвых, и они оставили его за работой.

Когда арка осталась позади, а количество стражников начало возрастать с каждым шагом, Денет спросил:

– Это был один из Семьи?

Нейтель кивнул.

Многие годы назад, когда королева Ниэя потеряла остатки власти, наиболее сильные кланы объявили себя независимыми от короны. Страна погрузилась в хаос, ещё больший, чем тот, который умудрились создать мятежные маги. Война, продолжавшаяся уже двадцатый год, получила новый виток. Единственное, в чём остались солидарны главы Семей и что довели до конца, – истребление всех хоть сколько-нибудь сильных магов. Многие могущественные фамилии тогда были вырезаны на корню. И когда воцарился шаткий мир пусть и в раздробленной и опустошенной стране, правители были поставлены перед необходимостью поддерживать практически всё силами лишь своих подданных. Включая собственную власть.

До войны нескольких могущественных магов можно было противопоставить небольшой армии. Их уважали, старались привлечь на свою сторону. В новом мире, где все здравомыслящие маги предпочли скрыться или вовсе покинуть страну ради более безопасных мест, исход битвы решался силой стали и численностью бойцов.

Со временем стали ходить легенды о временах прошлых и слухи, что мол кто-то и где-то видел человека, способного не только костёр запалить без подручных средств, но и совершать "древние чудеса". Дальнейшая история целиком зависела от фантазии рассказчика и, как правило, имела к правде лишь косвенное отношение.

Сами правящие семьи в своих городах или были уважаемы, как королевская когда-то, или считались варварами и захватчиками. Зависело это от времени, которое правил клан в своих землях. Семья Патрис захватила власть в Таробане чуть более тринадцати лет назад. Этого не было достаточно, чтобы скончались от старости все, кто помнил доблестный клан Тарогэн, основавший сам город, но вполне хватило, чтобы отправить на встречу с предками самых ярых защитников поверженной семьи. Впрочем, этого же времени хватило и на небольшую междоусобную войну в городе, в которой будущий мастер Нейтель принял самое активное участие.

– А кто он был, этот Дешон? – Денета интересовало слишком многое, чтобы удовлетвориться одним утвердительным ответом на свою догадку. – И я никогда не видел такой магии, как у мастера Игиона...

– Конечно, не видел. Странно, будь это иначе. Дешон – лишь несчастный юноша, чья смерть была более мучительна, чем я мог бы кому-то пожелать, – Нейтель отвечал, не оборачиваясь, как будто и не задумываясь, а размышляя о далёких вещах.

– А у вас есть предположения... Ой!

Денет едва не влетел в спину мастера. Тот резко остановился, обернулся на молодого человека и заговорил:

– Точно, ты же у меня помощником теперь. Вот и отлично. Из моего кабинета, – Нейтель махнул рукой в сторону одной из дверей, – мне нужна почта. Но только то, что пришло сегодня и касается этого убийства. Принеси ко мне домой. Но не оставляй, а дождись меня.

– А где...

– Кто-нибудь там, – Нейтель снова махнул рукой в сторону своего кабинета, – сможет тебе подсказать.

– А вы...

– А мне предстоят несколько неприятных разговоров. Вперед.

Мастер ушёл прежде, чем Денет успел задать новый вопрос.

Поднимаясь по очередной широкой начищенной лестнице, юноша размышлял, что скорее с нетерпением ждёт, когда представится случай проверить свои способности, нежели боится этого. Он пообещал себе, что даже если его служба у мастера Нейтеля не будет долгой, он отдаст ей все силы.

2.

«Основой любой семьи во все времена была кровь, своя и чужая, сохраненная и пролитая». («Теория великих семей» из архивов Ордена Защитника, автор неизвестен)

Искомый дом Денет нашел не сразу. И мальчишка в Цитадели, и старый торговец у моста Безвинных объясняли долго, и якобы понятно, но когда "направо" означает "просто направо", а не "совсем направо", а трактир "Старый колдун" находится следом за трактиром "Древний колдун", ошибиться легко. Впрочем, такова была особенность этой части правого берега.

Когда юноша наконец постучал в дверь небольшого двухэтажного дома, ему казалось, что он разгадал шифр на одном из мертвых языков. Изнутри не доносилось ни звука. Денет услышал из-за спины суровый женский голос и невольно подпрыгнул:

– Ты кто и зачем тут?

Обладательницей грозного голоса оказалась невысокая черноволосая девушка. Без тени улыбки на лице она смотрела на незваного гостя. Денет невольно застыл: она как будто сошла со страниц сказочной книги.

Облачена героиня была, как и подобает загадочной красавице не из знатного рода, в длинную юбку из грубой ткани, уже не белую рубашку с закатанными рукавами, да потертую кожаную жилетку. Венчала образ большая корзина самых разных трав.

– Ну так чего? Говори! – потребовала девушка и юноша очнулся:

– Я к мастеру Нейтелю. Его новый помощник.

– А, свеженький, – она по-прежнему не улыбалась. – Проходи в дом. Только ринар ещё не вернулся.

– Ринар? – Денет нахмурился.

– Мастер. Мастер ещё не вернулся.

Юноша кивнул, оправил тяжёлую сумку на плече и торопливо вошёл в дом. Говор девушки казался ему смутно знакомым, но сообразить откуда, он никак не мог.

– Наверх я тебя не пущу, но можешь тут ждать, – она поставила корзину на деревянный стол у стены и махнула в сторону стоящей рядом скамьи.

Денет оглядел помещение. Света из единственного окна едва хватало, чтобы увидеть лестницу на второй этаж и небольшую дверь в глубь дома, куда и скрылась девушка.

Вернулась она, держа в поднятой руке зажжённую лампу. Свет приподнял завесу темноты, и Денет отпрянул, увидев на стене над столом жуткое изображение одного из северных богов – Колада.

– Нравится? – девушка оставалась серьёзной.

– Бог кошмаров? Он встречает здесь пришедших?

– Да не кошмаров, а испытаний разума. Новенький видел много книг?

– Читал, – Денет нахмурился.

– Читал, но не думал, – кивнула девушка. – На юге только один был значимый якобы учёный, которого теперь цитируют бездумно. Он и перевел "кошмары", хотя к правде это отношения не имеет. Как его... Крэс Лумуно.

– Крэйс Лумано, – не задумываясь поправил юноша.

Он продолжал рассматривать лицо древнего и ныне почти забытого бога. Денет вглядывался в черные глаза, в скулы, нос, рот, как будто взятые у красивейших людей своего времени, но вместе представлявшие уродливую смесь. И все менее жутким становилось изображение. А девушка молчала. То ли давала ему время освоиться, то ли любовалась сама, то ли потеряла интерес к беседе.

Тем временем входная дверь открылась и закрылась без единого звука, как лёгкий ветер развеивает задержавшуюся дольше положенного дымку. Юноша и не заметил бы этого, если бы не голос, зазвучавший за его плечом:

– Значит, древнее божество волнуется тебя больше красивой девушки. Учту.

Денет резко обернулся и оказался лицом к лицу с Нейтелем.

– Добрый вечер, Мастер.

– Рада твоему возвращению, Ринар...

Ребята заговорили торопливо и хором: он скорее от неожиданности, она – из привычной учтивости. Несколько секунд девушка внимательно всматривалась в лицо Нейтеля, прежде чем сказать:

– Я приготовлю что-нибудь... горячее. Чай с добавками? – спросила и сама же ответила: – Да. Гость останется к ужину?

– Зависит от того, что "гость" принёс, – ответил мастер, снимая куртку и передавая её девушке.

Она молча кивнула, а Денет впервые за этот день по-настоящему занервничал. Не в тот момент, когда флегматичный мальчишка показал ему стол, засыпанный разного рода письмами, отчётами, уведомлениями – тогда он обрадовался. И не когда стал находить документы на разных языках – знакомых и таких, чью письменность он видел первый раз в жизни. Это лишь ещё больше его раззадорило. И не когда составил этот канцелярский букет из всего, что по его мнению имело отношение к последним событиям.

Сейчас, когда дело было сделано, когда он не мог ничего изменить, Денет по голосу Нейтеля понял, что тот решит его судьбу по этому будничному и рутинному испытанию. Юноша хотел сказать хоть что-то в свою защиту, что-то, что увеличит его шансы, но понял, что оправдания и объяснения не помогут. Он промолчал и проследовал за мастером наверх – в его кабинет.

Комната была окрашена цветами заката. Немногочисленная мебель казалась тёплой и грустной. Сквозь открытые настежь балконные двери помещение наполнялось ветрами с залива. Они несли с собой запах новизны и надежду, они переворачивали страницы открытой книги, оставленной на столе, они заставляли занавеску на входной двери едва заметно колебаться и чуть слышно шелестеть.

– Грата не утомила тебя рассказами о божествах севера? – просматривая кипу бумаг, поинтересовался Нейтель.

– Грата? – Денет очнулся от созерцания окружающего помещения.

– Девушка. Её так зовут.

– А, нет, мы почти и не говорили. Мастер, позвольте мне кое-что добавить ко всем этим бумагам, – не выдержал юноша.

– Добавляй, – Нейтель пожал плечами и отстранился от стола.

– Здесь, – Денет поднял небольшую стопку помятых и местами чем-то залитых листов, – свидетельства некоего Артика о последних известных передвижениях покойного. А это, – юноша показал на красиво оформленный отчёт, – то, что этот господин представил начальству. Некоторые эпизоды оттуда, кхм, изъятые. Он сотрудничает с тайной стражей?

– Артик? Да. И весьма успешно сотрудничает, хоть и отказывается от официальной службы.

– Тогда понятно. А так следят за всеми членами правящей семьи? Или это было особое распоряжение?

– Об этом стоит спросить мастера тайной стражи, – задумчиво заключил Нейтель, рассматривая приложенную к отчету записку от самого Артика. – Хорошо, что дальше?

– Мастер мёртвых передал свои заметки. Я не силён в медицине, но понял, что почти ничего нового он не нашёл, кроме вот этого, – Денет протянул рисунок, сделанный мастером Игионом, – этот металлический знак вплавился в кожу на лице погибшего.

Мастер взял лист, лишь взглянул на изображение, положил на стол перед собой и опустил голову на руки.

– Кто-то ещё это видел? – спросил Нейтель после некоторой паузы.

– Не после того, как мастер мертвых отдал мне рисунок, нет, – Денет замотал головой. – Это что-то значит?

– Значит. Насколько хорошо ты знаешь знаки отличия наших войск?

– Освежу знания при возможности.

– Не утруждайся, это не слишком увлекательно. Что дальше?

– Дальше письма почти от всех мастеров. В них очень много разной информации, но...

– Денет замолчал – он не знал, стоит ли озвучивать и свое мнение.

– Говори, раз начал, – резко потребовал Нейтель.

– Суть у всех одна "Смотрите, я и мои люди к этому не причастны". И в общем-то ничего больше.

Мастер молча кивнул. Юноша был готов отдать руку, только чтобы узнать, о чем он размышляет.

– И здесь другое интересно – кто не сообщил ничего, – Денет говорил, по-прежнему не будучи уверенным в том, что его мыслями стоит делиться. И впервые за всё время беседы Нейтель посмотрел на своего помощника.

– Мастер тайной стражи, мастер-дипломат и магистр Ордена Защитника. Фактически он же тоже считается мастером...

Нейтель, не сводя взгляд с Денета, медленно кивнул и спросил:

– Что-то ещё?

Юноша немного помялся, но заговорил:

– Да. На ваше имя пришло письмо из Сандизара, из-за южных морей. Я взял на себя смелость перевести его. Больше из любопытства. К последним событиям оно отношения не имеет, но этот господин просит аудиенции у главы семьи Патрис и вашего содействия, грозит посвятить вам свою жизнь и смерть. Буквально. Я оставлю письмо и перевод, чтобы вы могли ознакомиться. У меня, – Денет прокашлялся, – у меня всё.

В кабинет, позвякивая посудой на подносе, вошла Грата. Она поставила на стол свою ношу, пододвинула одну из чашек к мастеру, вторую оставив на месте. Когда она сняла крышку с большого керамического чайника и добавила в него немного жидкости из бутылки непрозрачного стекла, комнату наполнил терпкий аромат трав. Нейтель молча наблюдал за девушкой. А та, закончив и отступив на шаг назад, спросила:

– Ринар, мне подавать ужин?

Мастер поднял на неё глаза, помолчал и ответил:

– Да, будь добра. Юноша останется. Дадим ему шанс.

Первый раз девушка улыбнулась, едва заметно приподняв уголки губ. Затем она кивнула и вновь оставила хозяина и гостя наедине.

Денет выдохнул – он понял, что делал всё так, как нужно, хоть и не был уверен в своих действиях. Он медленно опустился на диван.

– Мастер, позвольте спросить.

– Спросить, можешь ли ты спросить? – усмехнулся Нейтель. – Выкладывай.

– Все эти почтенные господа... Ведь они тоже мастера, но они отчитываются перед вами.

– Не передо мной, перед главой Семьи – Миритером Патрисом.

– Но письма адресовали вам...

– Эта история долгая, запутанная и не слишком свежая, – Нейтель покачал головой. – Когда-нибудь узнаешь ее. От меня. Или от добрых людей.

По тону Денет понял, что у добрых людей совсем не добрые языки. Он остается служить мастеру – это его одновременно радовало и пугало. Но юноша был уверен в одном: скучно не будет.

Как и всем служащим правящей семьи, Денету полагалось место в жилой части цитадели мастеров. А имя Нейтеля позволило ему поселиться не в одной из общих комнат, а в отдельной, пусть и маленькой. Сидя на кровати в своей келье, Денет пытался привыкнуть к мысли, что и спать он сможет один, кажется, первый раз за всю его жизнь.

Дядя юноши вначале обрадовался, узнав о назначении. Но стоило Денету назвать своего мастера, тот недовольно поморщился.

– Будь внимателен. Одно только имя твоего шефа может свести тебя в могилу, – сказал он племяннику в ответ на длинную и пламенную речь в защиту.

И чем дальше, тем сильнее юноша хотел узнать, что такое сделал мастер, что поставило его особняком среди остальных той же должности и что заставляло и далеких от дворца людей меняться в лице.

Сгоряча Денет попытался разговорить Грату, но та лишь предложила ему печенья и научиться слушать, а не задавать глупые вопросы. А мальчишка, тоже служащий мастеру, проводивший юношу днём ранее и представившийся Ирмом, лишь выдал ни о чем не говорящую фразу, что господин Нейтель проявил себя ещё при старом главе правящей семьи и что все были уверены, что он когда-нибудь станет мастером.

Сам же Денет сложил вместе истории о смутных временах борьбы за власть Миритера Патриса и его сестры Эвии, добавил отношение к Нейтелю, которое он успел увидеть, и заключил, что либо его шеф отчаянно везуч, либо имеет какое-то секретное преимущество.

Мастер отбыл в неизвестном направлении ещё ранним утром и велел, по словам Граты, не искать его, пока не вернется сам. Юноше не сиделось на месте, ему хотелось знать, видеть и участвовать, но девушка, если и знала о местонахождении своего ринара, не говорила, но зато посоветовала юноше занять себя чем-нибудь полезным или приятным и ей не докучать.

Денет покорно покинул Грату, не став выяснять значение слова, которым она величает его шефа, и засел в библиотеке при Ордене Защитника, пытаясь выяснить хоть что-то про знак отличия, найденный на теле убитого. И он узнал, что произвело на Нейтеля такое впечатление.

Этот символ более не встречался в страже Таробана. Глава семьи Патрис распустил это отделение "за неблагонадежность", едва придя к власти. Да и существовало оно только при его отце, в общей сложности менее дюжины лет. В народе служивших в нем звали тенями Кермина, по имени старого правителя, а собственным названием за всё время они так и не обзавелись. Впрочем, Миритер создал преемника и наследника теней – тайную стражу, которая приняла не только область дел, но и некоторых служащих.

К тому времени, когда Нейтель появился в цитадели, Денет уже придумал множество вариантов произошедшего, некоторые записал, другие, жуткие и маловероятные, постарался поскорее забыть. Увидев мастера в дверях, юноша соскочил с письменного стола, на котором до сих пор восседал в компании биографий служащих и конспектов с книг, и хотел сразу же рассказать о своих находках. Но посмотрев внимательно на уставшее и сердитое лицо шефа, промолчал, забрал из его рук куртку и жестом отправил Ирму на местную кухню. Однако мальчишка и сам знал, что делать.

Нейтель медленно опустился в потертое кресло, уставился в окно на внутренний двор цитадели и замер, подперев голову рукой. От созерцания его не отвлекли ни звуки громящей посуды, ни посетитель, попытавшийся ворваться в кабинет. Денет вернулся к изучению документов, и так обследованных вдоль и поперек и только что не препарированных.

– Ты нашел всех, кто еще служит? – юноша вздрогнул от звука голоса.

– Да. Большинство или мертвы, или на рудниках. Несколько в тайной страже или у других мастеров.

– Знаю. Это вряд ли нас куда-то приведет, но собери по возможности все оставшиеся знаки отличия.

– Оставшиеся? – юноша нахмурился.

– Да. Их всего было двадцать. Ровно столько же, сколько и теней. Когда-то обладание таким знаком означало, что ты можешь все. Ну, почти все, – мастер прошелся по комнате, отпил чай, поморщился и поставил чашку обратно. – Насколько я знаю, трое сейчас в тайной страже, двое – служат у мастера-дипломата, один подался в Орден Защитника. Остальные у Миритера Патриса в зале Славы висят как боевой трофеей. Я имею в виду знаки отличия, а не сами тени.

Денет нахмурился – его смущала эта слишком простая арифметика:

– Их всего двадцать?

– Да, как самих теней Кермина. Точнее людей было больше, но мест всего столько. Ходили слухи, что они прокляты возвращаться домой в отличие от своих хозяев. Даже если и так, все равно они все были собраны.

– А если кто-то сделал копию? Это же не так сложно, нужны... Я так понимаю, вы и сами это подозреваете.

– Ты молодец, но все не так просто. Или слишком просто, – мастер пожал плечами. Только сейчас юноша заметил у него на щеке след, как будто оставленный чьим-то несильным ударом или ногтем.

– Мастер, простите за вопрос...

– Прощу, когда задашь.

– Вы ни с кем не дрались?

Нейтель не ответил. Он молча взял со шкафа зеркало, протер его поверхность рукавом и посмотрел на свое отражение.

– Так бывает, юноша, когда успокаиваешь женщину, – мастер поставил зеркало на место. – Итак, мы имеем тело сына мятежной сестры Патрис, знак отличия тайной стражи на нем...

– Так он сын Эвии Патрис... Почему Тайной стражи? – Денет понял, что мастер сделал какие-то выводы.

– Да, он сын Эвии. И да, я ставлю пригоршню золотых монет на то, что подозрение падет на кого-нибудь из тайной стражи. И это как-то грубо и некрасиво, но, пожалуй, это представление не для нас, а для матери в отчаянии, – мастер задумчиво потер расцарапанную щеку.

– Так вы ей рассказали.

Нейтель молча кивнул. Он вновь погрузился в себя, как будто одна мысль о встрече с этой женщиной и ее горем притягивала его внимание и поглощала рассудок.

Денет мысленно собрал все, что знал о мятежной сестре, воедино. Он видел ее дважды в своей жизни. Когда хоронили ее отца, она, одетая в церемониальные одежды, следовала за телом Кермина вместе с братом. Она выглядела отстраненной, и глядя на нее, юноша видел скорбящую женщину. Это и отличало ее от остальной, как будто праздной толпы.

Другой раз был за несколько дней до того, как ее отправили в поместье Мерсинель, ее роскошную тюрьму. Она проехала верхом, галопом посреди оживленного торгового квартала, окруженная верными ей стражниками. Пожалуй, ее сложно было назвать красивой, в народе не говорили о ее уме или навыках обращаться с оружием. Как будто всего в ней было в меру.

Но только глядя на своего шефа, быть может переживавшего за Эвию Патрис или за те новости, что пришлось ей принести, юноша ощутил, как сжалось сердце. Денету и правда

казалось, что он понимает мастера и сочувствует. Он бы поразился, если бы узнал насколько далеки были его соображения от настоящих мыслей Нейтеля.

Тот хоть и делал вид, что внимательно рассматривает повседневную жизнь цитадели за окнами. Но сам он уже переправился через южные моря и вернулся обратно; обратно – к прошлому. Нейтель вспомнил, как уезжал из ставшей родной Марида на юг, в Таробан, где правило, а с его точки зрения, устраивало бардак и смертоубийство, семейство Патрис. Они вдруг вынырнули из местной деревушки со своей бандой и вот уже правят землями. Его передергивало от одной мысли о том, чтобы служить необразованным бандитам. Теперь же, спустя годы, он не только завоевал расположение семьи, но и поменял отношение к ним. Хотя не ко всему, ведь кое-что из его мнения о Патрисах было меньше, чем действительностью.

3.

Тем временем, в Маридабан

«Кто-то скажет тебе, что все его дни похожи на один. У меня иначе – каждый мой вдох отличен от предыдущего» – Тейго Маридасати.

Ветер вновь поднялся и на этот раз был совсем уже прохладным. Тея поерзала, лежа на скамье. Вставать, а уж тем более идти в дом ей не хотелось, она предпочла потерпеть небольшие неудобства, нежели покинуть свое уютное убежище. Впрочем, ее одиночеству было не суждено продлиться долго. Послышались уверенные шаги по деревянному настилу, а потом на женщину аккуратно опустилась накидка. Тея сдвинула шляпу с глаз, сощурилась на свет и хмыкнула, увидев брата.

– Тебе скучно?

– Общества твоего не хватает, – в тон ей ответил мужчина и сел напротив нее.

Небольшая заброшенная беседка в старой части имения явно требовала руки плотника. Узорчатая деревянная сетка, некогда украшенная гербом семьи, навевала мысли о прошедших военных действиях, хотя ни одна стрела здесь не пролетала уже много столетий. Под потолком висела крепкая и изящная паутина, какой позавидовали бы многие архитекторы. Брат смахнул со стола прошлогодние листья, чем скорее поднял клубы пыли, нежели очистил поверхность, закашлялся и положил вскрытый конверт.

– Как ты тут можешь отдыхать? Более заброшенного места на всех болотах не найдешь.

– Здесь, знаешь ли, было просто волшебно, пока тебе прийти не приспичило, – Тея села на скамье, облокотившись на стол. – Чего принес, Арок?

– Письмо издалека, – названный Ароком явно не торопился выкладывать все, что знал.

Женщина пожалала плечами, откинулась на спинку скамьи и протянула руку, чтобы надвинуть шляпу обратно на глаза, когда услышала миролюбивое:

– Нейтель пишет.

– И что же он пишет? – усмехнулась Тея. Брат давно не приносил ей вестей с юга, но показывать, что ей интересно, она не стала бы никогда.

– Ничего особенного, как будто там ничего и не происходит. А почему ты не получаешь от него писем? Вы же были дружны? Или я что-то путаю?

– Потому что он обещал, – женщина пожалала плечами.

– Что обещал?

– Не писать мне.

Арок с сомнением посмотрел на сестру:

– И за все время ни одной строчки? Он всё адресует отцу, но там передает пару слов и мне, и матери, и... кому только не передает. Ты никогда не говорила, что между вами произошло.

– Да ничего не произошло, – Тея помолчала, задумавшись, покачала головой и добавила: – Всё было как было, но мы договорились не писать писем.

Она поднялась и встала возле выхода, прислонившись к арке. Ветер трепал выбившуюся из строгой прически рыжую прядь. Женщина сжимала в руках черную шляпу, мужскую – дамские ее не устраивали ни размерами, ни удобством.

– А знаешь что, милая моя Теннатея, а поехали сами в Таробан.

– Зачем? – сестра искренне удивилась неожиданному предложению.

– А почему нет? – Арок пожал плечами. – Увидим своими глазами, что там происходит. Узнаем и доложим отцу. Какая-то дюжина дней пути, а может и того меньше. Привезем местному правителю подарков с севера. Посланники и дипломаты, давно мы ими не были!

– Как будто у нас когда-то хорошо получалось, – усмехнулась Тея. – Вот устроить переворот или небольшой конфликт, это запросто, а дипломатия совсем не наше, братец.

– Да и пусть, хоть весело будет, – Арок махнул рукой.

Женщина помолчала, размышляя над предложением и медленно кивнула. В конце концов и правда, что они теряли, кроме скуки в родном краю?

Уходя Арок оставил ей письмо с юга. В конверте был лишь один плотный лист коричневатой бумаги. Лёгкий почерк и неровные линии – как будто он писал второпях. С их последней встречи прошли годы, и Тее было интересно, что изменилось за это время в нем и в их отношении друг к другу. Они начались с дружбы, продолжились спорами и противостоянием и завершились еще до его отъезда. Ней отстранился, целиком посвятив себя учебе и практике, а она не стремилась вернуть его поддержку и вечера, заполненные разговорами, хотя и скучала намного больше, чем была готова признать.

Приближался вечер – его власть уже ощущалась в особом аромате воздуха. Поместье и деревня затихали. Дела были сделаны, а те, что нет, – и не следовало. Наступало время покоя и уюта в лоне семьи. Утро уже правило умами людей.

На крыше беседки проснулся и от души потянул изящное тело черно-белый кот. Он сел, обернув лапы грязным хвостом и сощурился от солнца. Тея хорошо знала его, и когда приходила сюда, не чувствовала себя одинокой. Может, он спускался от того, что женщина приносила ему еду, но ей хотелось верить, что кот ощущал родство их душ.

Вечером того же дня, к северу от Таробана.

По аллее, укрытой от любопытного неба широкой кроной старых деревьев, неторопливо катилась карета. Внимательный наблюдатель заметил бы на двери следы от снятого герба, основательно затертые, но все же видимые. И они говорили больше о человеке за плотной шторой, чем ему бы хотелось. Может, оттого он и хотел скорее пересест в удобное кресло у камина, а вовсе не потому, что занемела спина от долгой дороги и застыли руки.

За каретой следовали четверо всадников, одеждой и оружием стремившихся походить на наемников. Однако выдавали их сбруя и посадка. Первая была слишком нова и хороша, а вторая – знакома тому же внимательному наблюдателю, но для этого у него должны были быть уже как минимум дети.

Знаменитые Мессимские всадники – про них говорили, что они сидят в седле так, словно готовы в любой момент вскочить на нем на ноги. Что, впрочем, было бы преуменьшением. Они были последним оплотом старой правящей семьи Таробана и они же ушли с последними из нее, хоть и не были обязаны, когда стало понятно, что падение крепости под натиском Патрисов вопрос даже не времени, а решения: потерять на штурме сто человек или меньше. И сын казненного правителя не стал губить жизни оставшихся ему преданными подданных. Они ушли подземными тоннелями к реке, где их уже ждали суда. Они ушли на север, туда, где лазутчики новых хозяев города не могли найти их.

И школа Мессимских всадников возродилась, старые учителя передали свои навыки новому поколению отчаянных и отважных бойцов.

А карета плавно повернула, объезжая большой молчаливый фонтан белого мрамора, замедлила ход и остановилась перед входом в дом. На несколько секунд все замерло и в воздухе повисла тишина. Лишь пыль, поднятая копытами и колесами вновь осела, и птица на последнем дереве в аллее выразила своё недовольство.

Всадники единым движением спешили. Из дверей дома вышел немолодой мужчина. Он остановился у кареты, опершись на деревянную трость, и поклоном поприветствовал прибывшего. Тот же спустился на землю, размял затекшие ноги и улыбнулся:

– Хорошо, что ты уже здесь, Мейстен.

– Спокойная дорога, господин?

Мужчина в ответ пожал плечами.

Одеждой он смог бы сойти за купца средней руки, если бы не вооруженная охрана. И не его лицо – годы превратили несдержанного юнца во взрослого и сильного человека, но и теперь в нем можно было запросто узнать Джанара Тарогэна.

4.

Таробан, полдень

«Этот город проклят, друг мой. И Патрисы не завоевали его. Он сам их породил и возвел на трон» – Ивир.

Здание, после войны доставшееся Ордену Защитника, когда-то принадлежало известной и за южными морями школе магии. О тех временах напоминали теперь лишь городские легенды о пропавших в бесконечных коридорах служителях. Те и правда пропадали, но не во вполне измеримых коридорах, а в неисчислимых городских тавернах и борделях, где позже и находились. Если, конечно, не переключивались оттуда напрямую к служащим мастера мертвых.

Денет восторженно осматривал внутреннее убранство бывшей школы. Её он раньше видел только снаружи и всегда гадал, настолько ли же великолепны комнаты.

С улицы мастер и его помощник попали в огромный холл. После дневной духоты Таробана воздух внутри казался холодным и свежим, в нем не было запаха благовоний, как в других приютах Защитника. Стены и ряды высоких колонн были завешаны полотнами темной ткани с золотой символикой ордена. Юноша осторожно ступал по гладкому каменному полу, на котором расположилась гигантская карта мира. Пока Денет старательно обходил небольшую группу островов, сопровождавший гостей служитель гордо пояснил, что изображение под ногами гостей свидетельствует о важности Ордена в жизни всего мира, его вечности и непоколебимости. Юноша бросил взгляд на шедшего в полушаге позади шефа. Тот закрыл глаза и жестом велел молчать. И Денет молчал и делал вид, что ни разу еще не слышал истории Ордена Защитника, особенно повторенной слово в слово с официальной летописи.

Витраж на противоположной от входа стене холла, казалось, светился сам по себе. Он отбрасывал на пол причудливый узор со множеством ярких пятен, формой напоминавших пламя свечей. Юноша невольно залюбовался. Его не покидало ощущение, что еще немного и эти огоньки оторвутся от пола и, кружась, медленно поднимутся вверх, к теряющемуся в темноте потолку.

Незамолкавший служитель прошел мимо лестницы наверх к небольшой комнате. Дверь в нее сложно было найти случайному посетителю. Здесь он перестал говорить, чем немало порадовал гостей, оправил одежду и аккуратно постучал.

Магистр был увлечен бумагой в руках и на голос служителя отреагировал жестом, означавшим “Дайте мне чуток времени”. В первый момент Денету показалось, что именно так мог выглядеть лет через двадцать Нейтель, если бы выбрал службу в Ордене.

Высокий и худощавый мужчина в черной сутане отложил в сторону документ и поднялся навстречу вошедшим. Свет из окна скользнул по коротко остриженным светлым волосам, указал на морщины на лице и заставил сверкнуть медальон на груди настоятеля.

– Мастер Нейтель.

– Магистр Адриан.

Они не пожалели друг другу рук – никто не сделал и намека на движение. Но между ними не наблюдалось враждебности, скорее напротив – казалось, что они давно и хорошо знакомы.

– Я надеялся, что ты придешь, – магистр указал на кресла перед столом.

– Не нужно было надеяться. Стоило направить пару слов, – мастер расстегнул куртку и опустился на диван у окна, вопреки желанию хозяина. Тот лишь улыбнулся и спросил:

– Ты теперь со свитой ходишь?

– Это мой помощник, он запишет нашу беседу.

– На свою память ты уже не надеешься?

Нейтель усмехнулся и велел Денету достать писчие принадлежности.

– Ты знаешь правила, Адриан. Патрис любит, когда ему приносят информацию на подносе. Иначе он задастся разными неприятными вопросами.

Магистр рассмеялся.

– Ты теперь к нему с подносом ходишь? И с каких это пор гибель юноши – повод для официальных писем, а не искренних соболезнований? Их я матери Дешона принес уже, а прочее пустозвонство оставь кому-нибудь еще.

Нейтель молча слушал, а магистр откинулся на спинку кресла и продолжил:

– Но мою позицию ты и так знаешь, и до сих пор тебя она устраивала. Выкладывай.

Мастер медленно кивнул и заговорил:

– Я узнал, что ты был последним, кто говорил с погибшим. Зачем он приходил?

– А зачем приходят к служителям Защитника? Он искал наставлений.

– И нашел?

– Безусловно. И отправился размышлять над ними, кажется, в какой-то кабак. Во всяком случае так он заявил: “Хочу напиться и подумать”. Что за наставления? Я сказал ему завершить дела и не торопить события. Он спросил, может ли он поступить на службу ко мне, что значит...

– Что он хотел служить Ордену, – закончил за магистра Нейтель.

– Именно. Потом спросил, может ли он уехать как можно дальше, дам ли я ему рекомендации. И ушел. Остаться на ночь отказался, хотя даже привратника пришлось будить, чтоб ворота отпер. Я успел порадоваться за него. После стольких лет бессмысленных возлияний и блуда взялся за ум, и тут...

Магистр сокрушенно махнул рукой и вдруг нахмурился. Нейтель немного подождал и окликнул его.

– Да-да, я сейчас вспоминаю, что он сказал нечто странное. Погоди, скажу точно. Он многое мне поведал, как будто всю жизнь молчал. Вспоминал своего отца, ругал и себя, и его за то, что не поддерживали мать, а занимались не пойми чем. Говорил, что хотел бы учиться магии, но не у кого, что хотел бы сместить дядю и чтобы правила его матушка, что ошибся в людях, которым доверял. “Над домом Синиза поднимется солнце”.

Денет вздрогнул, услышав эти слова и лишь выразительный взгляд шефа заставил его вернуться к своим записям, а не высказать все то, что вихрем пронеслось в голове. Магистр тем временем продолжал:

– После этого он осекся и заговорил о вещах совсем далеких. Нейтель, позволь попросить тебя. Его мать, Эвия, остается совсем одна. Да, с ней дочь, но малышка не будет опорой. А она потеряла и мужа, и отца, и сына. Я знаю, что, несмотря на твою преданность, ее брату, она доверяет тебе. А мне нет – я олицетворяю Орден...

– Эвия ненавидит Орден, – Нейтель кивнул, – Постараюсь поддержать ее. Хотя она уже потребовала найти виновных и доставить их к ней живыми.

Магистр покачал головой. Мятежная сестра порой казалась сильной, как будто причиняемая боль порождала ярость, а та дарила неиссякаемый источник энергии. Но Нейтель знал, может быть, лучше, чем большинство, что и Эвии нужно чувствовать, что кто-то в этом сумасшедшем мире на ее стороне.

От внимательного Денета не ускользнуло, как шеф поморщился на словах о его преданности. Едва заметно, но этого хватило, чтобы юноша поставил заметку на полях мысленных записей. Чем больше он узнавал о Нейтеле, тем более любопытно становилось. Ему хотелось учиться у мастера, стать таким, как он. Но одновременно юноша чувствовал, что под внешним образом скрывается кто-то еще. И Денет не был уверен, что ему хочется познакомиться с этим кем-то поближе.

Когда они вышли на улицу, мастер огляделся. Прохожих в этой части города немного в любое время суток. Только мальчишка-курьер пробежал мимо, да девушка в длинном заляпанном плаще, небрежно наброшенном на плечи, глянула на Нейтеля и свернула на широкую улицу.

Дома состоятельных горожан окружили земли Ордена Защитника, некогда принадлежавшие школе магии и школе Мессимских всадников, от которых они старались держаться подальше. Магии люди опасались во все времена, а всадники были столь же умелы и преданны правящей семье, сколь и безбашенны.

Здесь, среди уютных и роскошных домов было не меньше укромных углов и потайных ходов, чем в более бедных припортовых районах. В одном из них и сумел скрыться от слежки погибший Дешон Патрис.

Мастер покачал головой:

– Отсюда он пошел на юг.

– Но на юге – целый город, – добавил юноша.

– Целый город, – эхом отозвался Нейтель. – Ты что-то хотел мне сказать.

– Да. Мастер, дом Синиза это же Цитадель...

– Это Цитадель, – вновь эхом повторить шеф. – А рассвет?

Юноша беспомощно посмотрел:

– Рассвет это рассвет?

– Так тоже можно, – мастер улыбнулся. – Но это символ. Из тех же времен. Над домом Синиза, первого из Тарогэнов в этих землях, развевалось знамя с драконом и восходящим солнцем. И откуда Дешон взял эти слова? Опасно такое даже думать, будь он хоть четырежды Патрис.

– О тех временах мало вспоминают...

– Но вспомнят, если потребуется. Дядя его, может, и не силен в истории, да охотников просветить на целую деревню хватит. Сомневаюсь, что Дешон связался бы со сторонниками старой власти, не настолько он был туп, – мастер рассуждал вслух. – Да и где он мог столкнуться с ними?

– У Тарогэнов в городе остались верные люди? – Денет нахмурился.

– И не только в городе. Патрисы постарались на славу, вырезая несогласных. Вот только руки все же короче, чем они готовы признать. Даже наследник оказался не по зубам, хотя ему должна была быть оказана особая честь. Так что да, сторонники у них есть.

– А почему раньше никто не проявился, ничего не предпринял?

– С чего ты так решил? – мастер улыбнулся, по сути так и не ответив. Юноше оставалось лишь гадать, что хотел этим сказать Нейтель.

От Ордена в разных направлениях уходили три улицы. Одна, короткая и прямая, спускалась к реке. Вторая, небольшая и извилистая, поворачивала на запад вдоль ограды бывшей школы магии и исчезала в тесных кварталах. Дорога на юг, по которой и ушел Дешон, тянулась мимо жилых домов, магазинов платьев и ювелирных украшений и оканчивалась Кабачным развилком. На нем располагались четыре самых известных и приличных питейных заведения города. Все они принадлежали разным хозяевам, но разительно отличались друг от друга, а потому споров за посетителей не вели.

Нейтель медленно двинулся по улице на юг, осматривая окрестные строения. Переулков пока было всего несколько, но у каждого из них, куда бы он ни вел, Денет представлял, как выскакивают похитители, хватают Дешона и утаскивают его во тьму.

Однако все это были не более, чем его фантазии. В своем отчете Артик, следивший за погибшим, указал, что потерял его в кабаке “Веселая бутылка” на том самом развилке. А значит, весь этот путь он еще проделал на своих двоих.

Небольшая площадь перед заведениями сильно отличалась от кварталов возле Ордена. Хотя вечер еще не наступил, она была полна празднующегося народа, обеспеченного и не очень. Все жаждали расслабления и веселья.

5.

То же время, то же место. Другая история.

«Что ты знаешь о веселье, если по утрам ни разу не давал денег хозяину таверны на... новую таверну?» – Арок Маридапати.

Он не заметил ее, и это было к лучшему. Дейна ускорила шаг. Если он здесь, значит, пытается повторить путь Дешона. Как и она сама. Помощники, а тем более такие, ей были совершенно не к чему.

Шальная мысль, вредная и отвлекающая – здесь он последний раз вдыхал чистый воздух. Здесь последний раз видел небо над головой. Мерзкое место, наполненное ароматами выпивки и табака. Впрочем, не хуже, чем любое другое на несколько миль вокруг.

Дейна не заметила, как достигла цели. Она привычно ухмыльнулась вывеске “Лошадей и ослов оставлять снаружи”, толкнула дверь и вошла. Здесь ничего не поменялось с тех пор, как они сидели вместе, с последней распитой бутылки. Она увела его на улицу до того, как он начал обсуждать вслух свои идеи. Их общие идеи.

Здесь по-прежнему стояли длинные столы в центре для шумных компаний, несколько укромных уголков для романтически настроенных парочек, по-прежнему наверх вела лестница, к индивидуальным кабинетам для самых притязательных особ. Впрочем, бармена Дейна не узнала.

Она скинула плащ, повесила его на спинку высокого стула и сама села перед стойкой. Бутылка фирменной “веселой” настойки была как нельзя кстати. Рюмку она выпила залпом и поставила ее доньшком кверху.

– Привет, – обратилась Дейна к бармену. – Что-то я тебя тут не помню. Как тебя зовут?

– Каз. Я тут недавно работаю. Хочешь скидку, заходи чаще.

– Не, я не за скидками. Я друга ищу, мы с ним здесь часто раньше бывали.

Бармен поставил на поднос бутылку вина и махнул кому-то рукой. Дверь вновь открылась, пропуская внутрь свежий воздух с улицы, и захлопнулась.

– Я тут недавно работаю, – повторил Каз. – Поговори с Миккой. Может, она твоего друга знает.

Названная Миккой услышала, что речь про нее, взяла поднос и подошла. Ее лицо было смутно знакомо, но Дейна не была уверена, что видела ее именно в этом кабаке.

– Вы кого-то ищите?

– Моего друга, – девушка продолжала рассматривать возможную помощницу. – Мы с ним здесь часто бывали. Моего возраста, привлекательный такой. Его зовут Дешон.

Микка помолчала, улыбнулась и ответила:

– Нет, простите, таких не припомню.

Она снова улыбнулась и ушла, а Дейна кивнула и повернулась к своей бутылке. Ей не понравился ответ. И дело было не в словах, а в чем-то...

– Простите за беспокойство.

Девушка обернулась и увидела молодого человека в форме служащего правящей семьи.

– Ну?

– С вами хотят поговорить, – он указал рукой на ближайший большой стол.

Ну конечно, кого еще, кроме “великого мастера всего Таробана”, могло сюда принести именно сейчас.

– А я не хочу с ним говорить. Так и передай, – Дейна смотрела прямо в глаза юноше. Молчание длилось всего несколько мгновений, а потом на его лице отразилось нечто среднее между испугом и изумлением.

Он резко схватил ее за руку и дернул на себя с криком “Берегись!”. Дейна слетела со стула и упала на колени, а над ее головой что-то пролетело и вонзилось в стену. Еще несколько мгновений тишины – и испуганные посетители бросились к выходу, более храбрые, и вооруженные, потянулись к поясам. Драки в подобных заведениях – дело привычное. Не важно, на кого напали, главное – возник повод для драки.

И где-то здесь тот, кто хотел ее убить. Она потеряла из вида мастера, но зато заметила нескольких мужчин, уверенно приближавшихся к ней и юноше. Оружие, что они сжимали в руках, и суровые лица не оставляли сомнений в их намерениях. Место более чем неудачное для схватки с несколькими противниками, но отступить времени не было. Дейна пожалела, что прихватила с собой лишь отцовский кинжал.

Она подкатилась в ноги ближайшему из нападавших и повалила его на пол. Удар в гортань – и он занят только собой. Остальные ввязались в драку с посетителями.

Но где же стрелок? Что-то тут же оцарапало руку – а вот и он. Воспользовался неразберихой и переместился к другому концу стойки, на ходу перезарядив арбалет. Дейна успела подняться на ноги и броситься за уже поваленный стол как раз вовремя, чтобы уйти от еще одного арбалетного болта.

Девушка заметила мастера. И где он раздобыл два одноручных меча? При нем их раньше не было. Впрочем, тот уверенно отражал атаки троих наступавших от входной двери противников. Несколько уже корчатся или замерли на полу, трое или четверо бьются с завсегдатаями. Проклятье, да сколько же их?

Дейна знала – ей любым способом надо добраться до того угла, где затаился стрелок. Иначе кто угодно может получить неожиданную посылку.

В полки с горячительными напитками вдруг полетела лампа – кто-то решил сделать этот бой еще более жарким? Пламя мгновенно охватило стену и часть стойки. Юноша, спасший девушке жизнь, спас и ее бутылку, схватив в последний момент, но тут же разбил о голову нападавшего. А через секунду болт вонзился ему в ногу.

Мастер одним движением рассек горло очередного противника и бросился на выручку своему другу. Дейна провела мысленную линию от цели к источнику и, стараясь не высываться, но как можно быстрее, прошла к дальним местам для романтических парочек.

Микка отчаянно пыталась заново натянуть тетиву и заметила появление противника слишком поздно. Кинжал вошел ей в живот, почти не ощутив сопротивления. Дейна взяла из рук оседавшей на пол девушки арбалет, а секунду спустя что-то громко хлопнуло позади, и ее бросило на диван.

Дейна слышала звуки, видела яркие всплески, движение, силуэты, но четкостью эта картина не обладала. Она моргнула и перед ней вдруг оказалось сосредоточенное лицо мастера. Ну почему же здесь оказался именно...

Поздний вечер того же дня, к северу от Таробана.

– Господин? К вам пришли.

Джанар нехотя открыл глаза. За годы вдали от родины он отвык принимать посетителей после вечерней трапезы. Там, где он жил, все важные дела старались решить еще до полудня.

На пороге комнаты переминался с ноги на ногу мужчина. Ему пришлось нагнуть голову, чтобы войти, а плечи едва проходили в дверной проем. Но при Джанаре он сам себе казался зеленым мальчишкой. Возвращения этого человека они ждали столько лет, о нем слагали легенды и читали восторженные речи.

– Заходи, Сампар. Расскажи, что у вас произошло.

Названный Сампаром глубоко вдохнул и выдал:

– Мы не предполагали, что так все получится. Это случайность, да. Но в итоге оно все равно на пользу пойдет нашему делу.

– Случайность? Замучать до смерти одного из важнейших персонажей нашей партии – случайность?

Джанар не повышал голоса, но его тон говорил лучше любого крика. Он не негодовал и не сокрушался, да и не был расстроен смертью одного из Патрисов. Но он не считал случайность таковой. Это была ошибка, чья-то ошибка, и она не должна была повториться. Сампар нервничал еще сильнее, хотя это казалось невозможным.

– Мы все исправим. У нас же есть люди и в самой семье...

– Нет, – Джанар покачал головой. – От вас сейчас нужно одно – чтобы никто не связал произошедшее с нами. Об остальном я сам позабочусь.

Он кивнул, и гость и слуга спешно покинули помещение. Случайность не просто нарушила планы. Она разнесла в пух и прах готовившийся годами план перед самой развязкой. Конечно, у него есть запасные варианты. Но ни один не был столь бескровен. Для его семьи и союзников, безусловно. Судьба варваров и их прихвостней Джанара тоже волновала, но он видел ее как можно менее счастливой.

Он никогда не понимал до конца, что такого выгодного во всем предприятии нашла приютившая его семья. Она не только дала ему золота, людей и земли, но и сама внедрила в Таробан нескольких служащих. Но они должны были действовать лишь на подготовленной почве. А теперь же земля под их ногами больше напоминала поля битвы в те времена, когда магов было больше, а знаки отличия они носили с гордостью. Невидимые глазу руны могли в клочья разорвать отряд солдат, если тот имел неосторожность не взять с собой колдуна, способного их нейтрализовать.

Посыльный забрал у Джанара три почти одинаковые записки. Сам наследник последних законных хозяев города не рисковал пока появляться в Таробане, да его присутствие пока было необязательно.

6.

Раннее утро следующего дня. Таробан.

«...Эта женщина погубит нас обоих, помани мои слова. Она погубит всех, кого касались ее руки. Не родилось еще человека, способного ее одолеть...» (из письма Акриса Патриса к Миритеру Патрису. 3507 год, город Гьолле)/

Небо только начало светлеть, когда Дейна наконец открыла глаза. Из более чем краткого пояснения шефа юноша узнал, что эта бойкая девица – дочь старого знакомого Нейтеля и что у неё есть все основания злиться. Грата попыталась было возразить, что это не основания, а результат излишнего свободомыслия южан, но мастер уклонился от дальнейшего спора, удалившись на балкон.

Какой бы ни была история, но кажется, он искренне переживал за Дейну. За прошедшие часы Денет выучил лицо девушки настолько, что помнил его уже лучше собственного. Любая попытка раненого и оглушенного тела проявить себя считалась желанием прийти в себя, но, увы, таковой не являлась. Дейну можно было бы счесть привлекательной, если бы не нарочитая небрежность, даже неаккуратность, и шрам, тянувшийся от самого подбородка, через левый висок и терявшийся под длинной челкой светлых волос.

Девушка поднесла руку к лицу и провела пальцами по щеке.

– А я тебя знаю, – её голос был слабым.

– Ну конечно знаешь, – ответила Грата, помогая ей подняться и подавая стакан воды.

– Если ты здесь, – Дейна сделала глоток, – то и мастер. Я, пожалуй, пойду.

Девушка попыталась подняться, а Грата не стала ей мешать. Она молча наблюдала, пока Дейна не упала обратно на диван.

– Или не пойду...

– Вот и умница.

– Ну и что теперь будет? – несмотря на слабость, характера Дейна не потеряла – она по-прежнему рвалась в бой.

Грата не ответила. Только глянула в сторону двери на балкон и направилась к выходу.

– Теперь ты будешь делиться информацией, – мастер зашёл в кабинет и поставил бутылку в шкаф.

– А я ничего не знаю, – девушки скрестила руки на груди и поморщилась. Мастер вздохнул:

– Я вот знаю, что это ложь, а ты?

– В любом случае с тобой я говорить не буду.

– Ну у тебя выбор небольшой: можешь рассказать мне свою историю сейчас, либо, – мастер переставил кресло ближе к девушке и медленно опустился в него, а Дейна продолжила:

– Либо ты меня отправишь на Остров и говорить я буду с местными крысами, пока не сдохну там, – Нейтель растянул губы в улыбке и кивнул, а девушка спросила: – Но разве ты не потеряешь возможность выяснить, что я знаю?

– Так или иначе убийц Дешона я вздёрну, – мастер пожал плечами. – Мы сейчас говорим конкретно о твоей судьбе.

Дейна молчала столь долго, что Денет засомневался, что она расскажет хоть что-то. Нейтель не торопил девушку, давая время взвесить все за и против, прикинуть возможное развитие событий. И когда тяжесть тишины стала ощущаться физически, Дейна заговорила:

– Я хочу принимать участие. Ты будешь со мной делиться.

– Нет, – лицо мастера оставалось спокойным.

– Я это не буду обсуждать. Я участвую, – девушка стояла на своем. – Когда расскажу, ты поймёшь почему. Ты должен понять.

Несколько секунд они смотрели друг другу в глаза, и кто-то из них явно читал мысли другого. Впрочем, Денет не удивился бы, что и оба. Нейтель вздохнул и сделал руками жест, означавший “твоя взяла”. Дейна кивнула и заговорила:

– В Таробане есть... была группа сочувствующих мятежной сестре. Дешон в неё входил. И я. Недолго. Вначале они говорили красиво, планировали всякое...

– Остановись, – Мастер прервал девушку, – Как в неё попали? И что конкретно “всякое”?

– Возвести на трон Эвию. А попали... С год назад я начала узнавать о разговорах, слухах, что собирается движение людей против главы семьи. Я нашла их. Поначалу это были не более чем разговоры. А потом появились эти двое... Клай и Бартич. Они узнали как-то, что я дружу с Дешоном, уговорили привести его. Якобы куда же без него, раз Эвия – его мать? Мне показалось это логичным. Я познакомила их. Они говорили правильно, слишком правильно. И Дешон загорелся идеей – все эти тайные встречи, его мать – глава семьи. Я стала сомневаться. Почему – не знаю, если хочешь – Защитник предупредил. Я ушла, пыталась его вытащить, но он не хотел. Он верил. А потом пропал. И вот уже пошли слухи о теле на пристани.

– Мне нужны имена и лица, – сказал мастер после долгой паузы. – Все места, где вы собирались, голоса, манеры, оговорки – все, что есть в твоей голове.

Он говорил не столько решительно, сколько со злостью.

– Нет, – Дейна помотала головой. – про заводил я расскажу тебе все, но оставь остальных – они фантазёры, не заговорщики.

– Мне нужны все. Или ты хочешь полюбоваться на их работу? Хочешь увидеть Дешона? То, что они от него оставили? Заодно узнаешь, почему в том, что он это он, мы убедились лишь с помощью мастера мёртвых.

Дейна закрыла глаза и отвернулась, а Нейтель продолжил:

– Мне плевать на ваш бессмысленный треп в тавернах, который вы заговором считали. Но мне нужны убийцы. Особенно после вчерашнего нападения. Среди ваших фантазёров затесались те, кто спокойно убил члена правящей семьи, твоего друга, а для верности они хотели убить и тебя.

Дейна медленно кивнула.

– Хорошо, что мы друг друга поняли. Изложи все Денету, он запишет. И пока, – Нейтель сделал паузу, как будто подбирая слова, – мы не закончим, ты служишь мне. Денет предупредит мастера канцелярии. И поживёшь пока в цитадели. Кто знает, сколько всего они успели про тебя узнать.

Денет не успел и рта раскрыть, а шеф уже покинул кабинет, оставив юношу наедине с Дейной. Та по-прежнему не горела желанием сдавать невиновных с её точки зрения людей, но к обещанию своему подошла ответственно.

Много часов и чернильницу спустя Денет устало растер виски, Дейна резюмировала:

– Теперь и правда всё.

Юноша хмыкнул.

– Что? Мастер сказал, что ему нужно всё, что есть в моей голове. Вот, пожалуйста.

– Не думаю, что он имел в виду такие подробности.

– А какие? Что хозяйка борделя нас поддерживала и готова была девочек предоставить? Так знаешь ли, мы не в том положении были, чтобы соратниками разбрасываться, а ей предложить особо нечего было. Да и ты, что, юный школяр, чтоб так дёргаться?

Денет только покачал головой, ничего не ответив.

– А где кстати “великий мастер”? – к вечеру Дейна стала излучать ехидство – видимо зелья Граты и впрямь творили чудеса и оживляли. Впрочем, насчёт последнего юноша был почти уверен. Слишком уж быстро затягивалась его рана.

– Он придёт, когда сочтёт нужным, – ответил Денет, перебирая свои записи. Чем больше деталей юноша узнавал о заговорщиках, тем лучше понимал сомнения девушки и её уход от них. От людей, готовящих переворот, сложно ожидать открытости, но эти были до подозрительного скрытны. Однако согласно признанию самой Дейны на лжи ей не удалось их поймать.

– Ну, раз так, то помоги мне перебраться на балкон и принеси ту бутылку, к которой твой хозяин прикладывался.

– Хозяин, великий мастер, – юноша поморщился, – почему ты так его не любишь?

– А за что его любить? – девушка оперлась на плечо Денета и медленно поднялась с дивана.

– Ну не по политическим же соображениям вы в таких контрах?

– У твоего хозяина нет политических соображений. Только свои интересы. Да и у меня тоже, – Дейна шаг за шагом обрела устойчивость в собственных ногах. – Но я не имею привычку менять лагерь, лишь только бы меня поманили куском побольше, да отправлять друзей по подвалам в кандалах. Хотя, если уж говорить начистоту, мотивов его я никогда до конца не понимала. Да и никто не понимал.

Девушка опустила в широкое кресло на балконе и, расслабившись, прикрыла глаза. За облаками не было видно солнца, а ветер дул чуть сильнее, был чуть холоднее, чтобы счесть его приятно освежающим. Но за пределами комнаты, как будто сонной и застывшей, они оба ощущали себя лучше. Юноша сел на ступени и вздохнул.

– Денет? – Дейна подала голос, не открывая глаза.

– Слушаю.

– А бутылку? – юноша выругался сквозь зубы, но спорить не стал и выполнил просьбу.

День следующий. Таробан.

Ранним утром у ворот Ордена Защитника собралась праздная толпа. Стражники раз за разом пресекали попытки простого люда затесаться среди знатных дам и господ, поначалу безропотно ожидавших, когда их пропустят внутрь, ближе к часовне, но затем начавших возмущаться столь громко и витиевато, что иные портовые нищие им бы позавидовали. Однако стражи Ордена оставались непреклонны – ворота так и не открылись.

Когда солнце заиграло позолоченными чешуйками крыши часовни, на засыпанную красным гравием дорожку со стороны северного входа, небольшого и почти забытого, вывернула процессия. Впрочем, с обычной для Королевства процессией ее роднила лишь цель: восемь человек медленно приближались к дверям часовни. Первым шел служитель Ордена, нараспев читавший выдержки из священных текстов на древнем наречии. Следом за ним, облаченная в темно-красное платье, следовала Эвия. Она держала за руку девочку, то и дело оглядывавшуюся назад на шедшего чуть поодаль Нея.

Дейна и Денет старались держаться в стороне. Юноша чувствовал себя не в своей тарелке, словно в окна подглядывал за чужой жизнью. Его бы здесь и не было, если бы не просьба девушки, больше похожая то ли на приказ, то ли на мольбу. Тем же тоном она убедила и их шефа. Дейна хотела быть на похоронах, последний раз прикоснуться к жизни того, кого считала другом, но того, кто погиб по ее вине. Несмотря на попытки юноши убедить ее в обратном, девушка продолжала считать себя причиной гибели Дешона.

Двое стражей Ордена замыкали процессию. Как все Стражи Защитника они настолько соответствовали любому событию в этих стенах, будь то рождение ребенка, похороны или попойка по случаю Дня Урожая, как будто здесь они родились и здесь же умрут.

У дверей часовни служитель Ордена остановился и замолчал. Эвия обвела взглядом древнее сооружение из черного камня с выточенным на тяжелых дверях солнцем. Даже Патрисы не рискнули уничтожить очередное напоминание о тех, кто построил город и правил им много веков.

– Мы чего-то ждём? – не выдержала Эвия. Она хорошо знала порядок любых подобных мероприятий, и эта пауза была ей непонятна.

– Да, госпожа. Правителя Миритера, – ответил служитель.

– Что его ждать? Это не его похороны.

– Но, госпожа...

Эвия оглянулась на Нею, и тот перехватил инициативу.

– Не волнуйтесь, я уверен, что Правителя задержали неотложные дела и он поймет, что в такой момент мы не ждали его, а проявили заботу о чувствах матери.

– Но... – попытался возразить служитель, но Ней не дал ему вставить и слова:

– И магистр Адриан наверняка оценит вашу предусмотрительность.

Служитель помялся еще несколько секунд, но распахнул двери часовни, и на пришедших волной выкатился ледяной воздух. Эвия отпустила руку дочери и вошла внутрь, а девочка застыла на пороге.

– Ней, я не пойду. Я не хочу.

Мастер остановился возле нее и махнул рукой остальным заходить.

– Амит, ты любила брата. И мама любила его. Не оставляй ее сейчас, ей очень нужно, чтобы ты была сильной и помогла ей.

– Мама сильная!

– Не сейчас, Амит, не сейчас, – Ней покачал головой.

Девочка решила не сразу, но с первыми звуками прощальных распевов, сопровождаемых мерными ударами барабана, вошла в часовню.

Накрытое белой тканью тело застыло на каменном постаменте в дальнем от дверей конце помещения. Для чего это строение использовала школа магии, история умалчивает, но оно как нельзя лучше подходило для церемонии похорон, принятой во всех уголках мира, куда дотянулась рука Ордена Защитника. Ученые мужи Таробана не могли до конца объяснить природу строения: ни сохранявшийся в любое время года поистине могильный холод, ни свет, причудливым образом проникавший сквозь небольшие оконца под самым потолком, отражавшийся от определенных камней в стенах и позволявший увидеть кошачий волос на черном гладком полу. Загадкой оставался и тот факт, что церемониальный барабан, в который молодой помощник служителя лупил, что было мочи, не оглушал собравшихся, но звук его лишь едва касался их ушей и разлетался по всему городу.

Когда наконец смолкли напевы, присутствующие опустили на колени. Согласно преданиям Ордена, Защитник повелел своим последователям вставать на колени лишь в двух случаях – чувствуя приход в жизнь нового человека и провожая усопшего. В остальных случаях полагалось уверенно нести в мир знание о Защитнике. Отношений между знатью и слугами это не изменило, но породило такое количество скабрёзных шуток, что автор послания мог и передумать насчет формулировки. Впрочем, ничто не отменяло того факта, что все присутствующие на такого рода церемониях спокойно опускались на колени, отлично понимая, что кто бы и сколько бы ни шутил, это ничуть не умаляло уважения к любой жизни, ее началу и окончанию.

Когда смолк и барабан, все присутствующие поднялись на ноги. Все, кроме Эвии. Служитель распахнул двери часовни, но никто не вышел. Все остались на своих местах, ожидая знака от женщины. Она не смотрела ни на тело на постаменте, ни на своих спутников, лишь на собственные руки, как будто видела их первый раз в жизни. Амит вполголоса позвала ее, но Эвия осталась стоять на коленях.

Денет не хотел знать, о чем она думала в этот момент. Но ее мысли, тяжелые как каменные плиты под ногами, опутывали всех, кто был рядом, давили и не желали отпустить.

Вдруг Эвия резко встала, оправила платье и, взяв за руку дочь, быстро покинула часовню. Мастер покачал головой и последовал за ними. Церемония была окончена.

Денет отчетливо помнил единственные до сего дня похороны, на которых он был. Похороны его родителей. Тогда пришел едва ли не весь город, а часовня опустела лишь поздним вечером. Юноша помнил, как тетя не отпускала его руку весь день напролет, то и дело причитая, как он теперь будет совсем один. Денет и без нее понимал, что остался один, но ему упорно казалось, что все происходило не с ним, с кем-то другим – чуждым ему. И этот кто-то как-нибудь справится.

Дейна молча вышла на улицу. Ее спокойствие казалось юноше пугающим. За прошедшее с момента знакомства время он успел понять, что любые чувства, которые грозили бы разрушить другого человека, она превращала в свою силу. Из вины она сделала злость. Из скорби и боли – ярость. И добавила в эту гремучую смесь собственного упорства. Денет почти с нетерпением ждал, когда грянет взрыв. Ведь он не мог не грянуть.

Впрочем, все способности девушки были незаметны на фоне Эвии. Глядя на удаляющуюся быстрым шагом фигуру в красном, юноша в очередной удивлялся силе духа этой женщины. Удивлялся и боялся ее, потому что если Дейна была готова вспыхнуть в любой момент, то что делает Эвия – оставалось только гадать.

7.

Вечер того же дня. Мерсинель.

«Как бы Орден Защитника ни старался убедить своих последователей в ином, наш мир полон разнообразных разумных существ, которых вы не знаете и которые не поделятся своим секретом и за миг до вашей смерти» (Великий магистр Талимон, «О тварях человеческих и иных»).

Поместье мятежной сестры находилось за пределами города. Как будто Миритер опасался размещать её ближе к себе.

Три этажа роскоши, множество слуг, желания исполняются быстро и без вопросов. Но за этой изумрудной стеной Эвия не чувствовала безопасности, не ощущала себя свободной. Хотя посторонним людям она по-прежнему казалась собранной и сильной, Нейтель видел, как дрожат её руки. Слез она не показала бы ему, но всё же истинное состояние женщины не укрылось от внимания мастера.

Эвия оправила платье на коленях и откинулась на спинку кресла. От её привычных нарядов этот отличала лишь изящная накидка на плечах. Словно, несмотря на камин в нескольких шагах от неё, она продолжала мёрзнуть.

– Да, Ней. Я не хотела видеть праздную толпу на его похоронах. Дешону уже всё равно, а меня тошнило от мысли устраивать такой же цирк как на проводах отца.

Мастер медленно кивнул. Он хорошо помнил казавшуюся бесконечной процессию во главе с телом Кермина Патриса, облачённым в самые роскошные одежды покойного. Тот как будто гордился, что может весь Таробан, свой Таробан, заставить глазеть на собственный труп. Ней понимал Эвию, лишь жалел, что не мог поддержать её на прощании.

– Миритер не почтил нас своим присутствием. Если ты и прав, и он не устраивал убийство моего сына, мог бы не демонстрировать своё пренебрежение так открыто. Он был его племянником, частью Семьи.

Отношения брата и сестры ещё до смерти их отца больше напоминали древние магические поединки. А за последние три года в своём поместье Эвия, несмотря на частые попытки отыграться, почти отчаялась – слишком крепко Миритер сидел на троне. Слишком слаба оказалась она, желавшая не столько власти, сколько защитить своих детей.

– Если тебе не сложно, ты мог бы что-нибудь сказать. Хотя бы сделать вид, что хочешь меня утешить.

Нейтель удивленно поднял брови и усмехнулся.

– Утешить? Я не бессмертный, чтоб пытаться утешать тебя.

Эвия едва заметно улыбнулась. Она сама не знала, что ждёт от него, но только не жалости, не утешения. Он давал ей возможность выговориться. Он знал, что сделать она не может практически ничего – её руки связаны крепко и надёжно. Но Эвия могла высказать ему всё, что горело и билось внутри, даже не представляя всей силы своих слов над Нейтелем.

Женщина почти не изменилась со дня их знакомства. Или так мастеру казалось. Она была единственной из всего семейства, кто виделся ему членом правящей Семьи, а не потерявшемся во дворце варваром. Она, не взирая на разногласия, продолжала защищать имя Патрисов вообще и своего брата в частности. И только наедине с преданным служащим Миритера, с тем, кого могла бы счесть врагом, она была честна и открыта. Настолько, насколько Эвия вообще могла быть честна и открыта.

Нейтель обошёл кресло Эвии, встал у неё за спиной и аккуратно положил руку ей на плечо.

– Я могу рассказать тебе всё, что знаю о тех, кто убил Дешона, но...

– В этом нет надобности, – женщина покачала головой. – Мне хватит, если ты укажешь на них. Если приведёшь их сюда и дашь мне покончить с ними...

– Эвия...

– Я знаю, Ней, что ты сам их повесишь. И не позволишь мне, как ты говорил? Забрызгать рукава кровью наёмников?

Ней усмехнулся. У женщины отличная память – этой вскользь брошенной фразе было без малого десять лет.

– Я не дам тебе забрызгать рукава и не только их.

Он повернулся, приобнял Эвию за плечи и наклонился к самому уху.

– Я клянусь, что убийца понесёт наказание соответствующее преступлению.

Она склонила голову и прижалась щекой к его руке. Её молчания было достаточно, чтобы мастер понял – он прав. Возмездия от его руки для Эвии будет достаточно. Пусть пустоты в её сердце это не возместит, но тот, кто отнял у неё сына, заплатит цену сполна, всем, что у него есть.

– Мама?

Ней вздрогнул. Девочка вошла чуть слышно и они, увлечённые клятвой и желанием мести, не заметили её появления. Светлые волосы были заплетены в короткие косички. Карие глаза смотрели упрямо и как будто обижено.

– Амит? Ты разве ещё не спишь? – Эвия резко поднялась и подошла к ребёнку. Мастер сжал пальцы на спинке кресла.

– Я услышала тебя и Нея.

– Как ты себя чувствуешь? – женщина опустилась на колени и прижала ладони к щекам девочки.

– Хорошо. Плохие сны не приходили.

Мастер внимательно посмотрел на мать и дочь. Они были на удивление спокойны, хотя ещё недавно Эвию все больше беспокоили непрекращающиеся ночные кошмары Амит. Когда няня увела девочку обратно в спальню, он спросил:

– Они сами ушли?

– Сны? – Ней кивнул. – Да, сами. Странно, но в последние дни она спит хорошо. Насколько может. Амит любила Дешона.

Мастер снова кивнул, взял со стула свою куртку и накинул её на руку.

– Тебе пора, – тихо сказала Эвия. – Скоро в Таробан приезжает посланник из-за Южных морей. Мне придётся тоже встретить его на приеме. Ты же будешь там?

– Как Миритер решит, – Ней пожал плечами.

– Ну почему ты не можешь просто сказать "да"? – Эвия скрестила руки на груди. – Я прошу тебя быть. Так лучше?

– Буду, – Нейтель мягко улыбнулся. – И если ещё придут "плохие сны" – скажи мне.

Возвращаясь домой, мастер не торопил коня. Ему нужна была холодная голова, а этот визит к Эвии, как некоторые до него, внес в его мысли больше смуты, чем хотелось бы Нейтелю. Пытаясь осознать причины, он не раз возвращался к тем дням, когда мог повлиять на итог противостояния, мог сделать главой Семьи её, а не Миритера. Он знал, что это было в его власти, хоть и пытался порой убедить себя в обратном.

Тогда она попросила одного "Поступи так, как считаешь правильным ты". Сделал ли он это? Пожалуй, нет. Поэтому, быть может, каждая просьба Эвии так влияла на него, порой не позволяя ни есть, ни спать. Нейтель поклялся найти убийц и наказать их. Это было не её просьбой, но его обязанностью, помноженной на ярость и желание мести, вложенные в него Эвией.

В кабинете повисла пугающая тишина. Было слышно как за стенкой Ирма что-то напевает за работой. Нейтель внимательно смотрел на Сову. Гестер, по прозвищу Сова, развёл руками и широко улыбнулся. И хвала Защитнику, он был весьма дружелюбен, иначе Денет уже бы заикался.

Высокий крепкий мужчина с белыми как северные снега волосами, заплетенными в немислимое количество собранных в хвост косичек, внезапно возник за его спиной, схватил пальцами за плечо и грозно спросил:

– Где мастер, мальчик?

Мальчик от изумления застыл, и Сова рассмеялся. Его суровое, хищных черт лицо преобразилось. Нет, от того Гестер не стал казаться безобидным, скорее – зверем дружественным. Минуло не менее часа с их встречи, а Денета всё также пробирала дрожь. Он готов был поклясться, что за секунды до появления Совы услышал шорох крыльев за своей спиной.

– Мастер, не сомневайтесь в моих людях. Если они говорят, что это тот, кого вы ищете, – так и есть.

– Я не сомневаюсь. Я удивляюсь, что они нашли его так быстро.

– Тут не в поисках дело, – Сова скрестил руки на груди. – Мне сразу сказали “Да это же тот тип, что ошивался подле борделя “Знойные Девы”. Говорят, его вытолкали оттуда со скандалом. Уж не знаю, чего он там такого потребовал, тут людская фантазия расходится, но – видеть видели, выпроводить выпроводили. Так что живёт ваш великий заговорщик за летним рынком. Хотите – хоть сейчас пойдём и возьмём его.

– Возьмём, – мастер кивнул, – собери людей, скажи, что...

Нейтель вдруг осёкся, хмуро глянул на Дейну. Девушка сидела возле окна и делала вид, что её больше интересует вид на внутренний дворик Цитадели, нежели разговор о поимке одного из виновных в смерти Дешона. Мастер вздохнул и поднялся.

– Я сам их проинструктирую. Вперёд, – Нейтель кивнул в сторону двери.

Как только они ушли, Дейна слезла с подоконника, прошлась кругом по комнате и уселась в кресло мастера, закинув ноги на стол. Выданная ей форменная одежда оказалась девушке больше к лицу нежели её старый плащ, но к новому образу Денет привыкнуть не мог. Да и сама Дейна, казалось, только начала осваиваться в новой роли служащего.

– А тебя, значит, в большое плаванье пока не берут?

Денет нахмурился и переспросил:

– Какое плаванье?

– Ну какое-какое, – передразнила его девушка. – Тайные встречи, опасные вылазки и прочие радости жизни.

– Если бы я, – Денет поднял глаза, внимательно посмотрел на Дейну и постарался говорить максимально разборчиво и чётко, – или ты потребовались сейчас мастеру, он сказал бы.

Девушка промолчала. Ей не сиделось на месте, особенно сейчас, когда виновный был так близко. Если она и осознавала логику Нейтеля, почему он не взял её с собой, это не было тем, что занимало её голову в первую очередь.

Напряженное молчание грузом висело в воздухе до тех пор, пока в дверях кабинета не показался Ирма. Дейна попросила его проводить её на кухню, раз уж она вынуждена сидеть заперти. В последнюю фразу она постаралась вложить максимум ехидства, впрочем, что девушка расстроена, Денет понял давно.

Оставшись один, юноша вернулся к изучению хроник свержения Тарогэнов. Общение с магистром Адрианом, фраза, вскользь брошенная тому Дешоном, навели Денета на мысль, что неплохо бы оживить знания об их враге. Идея, что за всем стоят сторонники свергнутого семейства, казалась ему не только логичной, но и объясняющей всё.

Книга, найденная юношей в библиотеке цитадели, явно появилась на свет в первые годы правления Патрисов. Более поздние исследователи были склонны скорее изучать факты, чем

восхвалять правящую Семью. Здесь же желание прогнуться явно доминировало над историей и здравым смыслом. Тем не менее, чтение позволило Денету обзавестись новыми знаниями.

Вернулся он в действительность лишь, когда его окликнула Грата. Юноша обернулся и несколько секунд осознавал, кто перед ним – мыслями он был ещё с наследником Тарогэнов, трусливо сбегающим из города.

– Не отвлекайся – чтение полезно, – девушка опустила объёмистую сумку на стул. – Дейна на удивление быстро поправилась. Ещё вчера хромала, а сегодня – нет.

Денет с сомнением посмотрел на девушку – к нему закрались пугающие мысли.

– Ты её на кухне видела?

– С чего бы на кухне? Мы столкнулись в воротах, – Грата кивнула в сторону центрального выезда из Цитадели.

Юноша подскочил так резко, что книга с его коленей отлетела на пол, а кресло едва не опрокинулось.

– Мне нужна твоя помощь, – скороговоркой заговорил Денет. – Её надо остановить. Я знаю, куда она пойдёт. Быстрее!

По счастью, Грате не понадобилось объяснений. Она без вопросов последовала за юношей.

То же время, то же место. Другая история.

Дейна понимала, что очень скоро Денет бросится в погоню за ней. Преодолев мокрую брусчатку крепости, она огляделась – здесь, где обычно стояли в ожидании пассажиров несколько двуколок, было пусто. Девушка выругалась и ускорила шаг – пешком её поход займёт больше времени, несмотря на известные ей проходы и проулки, сокращающие путь. Но ей должно повезти – мастер не схватит убийцу раньше.

Горожане не обращали внимания на девушку в форменной одежде, что торопливо двигалась по оживлённым улицам. Дейна проверила ремень арбалета и нож на поясе – к счастью Нейтель не отобрал ее верных друзей. Возле лестницы Таймины девушку настигло наконец солнце. Оно осветило потёртые ступени, облупившиеся и обвалившиеся местами поручни. Дейна понадеялась, что не повторит судьбу той, в чью честь и память назвали это проклятое место.

Несколько веков назад Таймина Тарогэн отказалась выходить замуж за выбранного отцом наследника другой семьи и возлежала с первым встретившимся молодым человеком. Её батюшка, мирным нравом не отличавшийся, извинился перед обоими избранниками, а девушку сбросил с лестницы. Чтoб не повадно было – так он объявил оставшимся четырём дочерям.

Поднявшись наверх, Дейна на секунду отвлеклась и, поддавшись порыву, посмотрела на город. И правда, незавидная участь и никаких шансов пережить такой полёт.

Летний рынок в это время года был почти пуст. Лишь несколько лавок заморских товаров, да шумные торговцы украшениями. Видать их выгнали с других мест, раз пришли сюда – где прохожих почти нет и продать что-то сложно. Девушка едва успела скользнуть за угол, заметив людей Совы. Нет, они были похожи на всех прочих горожан, но нечто почти неуловимое в поведении выдало их. А когда они прошли мимо, Дейна выглянула и заметила того, за кем она пришла.

Он стоял за повозкой с фруктами, такой же самоуверенный, как в их последнюю встречу. Девушка зарядила арбалет, она уже предвкушала, как болт вонзится в его мерзкое лицо, став закономерным финалом для предателя. Дейна понимала, что у него с самого начала были свои планы и на нее, и на Дешона, но продолжала считать, что он ее предал. Она аккуратно пере-

местилась за телегу и выглянула как можно более осторожно, но он заметил ее. То ли тоже увидел людей Сова и стал бдительнее, то ли сам по себе был начеку.

Несколько мгновений он медлил. А потом бросился бежать со всех ног. Дейна выстрелила ему вслед, но арбалетный болт попал в деревянную стойку лавки, выбив из нее щепки. Девушка выругалась, закинула оружие за спину и бросилась следом. Она видела одну цель – догнать убийцу. Кажется, мелькнуло лицо Сова – Дейна перепрыгнула через тачку. Противник повернул за угол – двое уже бегут следом. Он споткнулся о камень брусчатки, но сбился лишь на долю секунды – показалась лестница и... Денет и Грата.

Девушка остановилась, стала перезаряжать арбалет. Слишком долго натягивалась тетива, слишком медленно ложился болт. Юноша преградил путь беглецу, они недолго боролись, и Денет оказался прижат к перилам. Старые и прогнившие, они грозили обвалиться и сами – и не выдержали веса двух человек. Дейна успела поднять оружие, но наверху уже были только она и Грата.

Мимо нее пронёсся Нейтель. Сова схватил ее за руку и подтолкнул к лестнице. Убийца отчаянно пытался уползти подальше. Он привстал на одну ногу и снова упал с криком. А рядом с ним, на когда-то аккуратно сложенных брёвнах лежал юноша.

8.

3509 год от основания Ордена Защитника. Предместья Эмерибана.

*«Ты можешь узнать все обо мне, но никогда не поймешь ни меня, ни мне подобных» –
Реми*

Кошмар возвращался к Денету столь часто, что он почти перестал бояться, хотя не раз мысленно переживал тот далёкий момент времени. И этот пожар оказался самым ярким и чётким, и самым страшным, воспоминанием о детстве. Но что Денет раньше никак не мог припомнить – весь тот злополучный день. Сейчас же этот день вернулся, живой и настоящий, как будто проживался заново.

Денет и Зас сидели на крыльце дома. С минуты на минуту должен был вернуться из книжной лавки отец юноши. Обычно Денет сопровождал его на работе, а Зас, сирота, служивший его родителям, помогал матери по дому. День без отца был для Денета событием крайне редким, и мальчик не мог дождаться его возвращения.

Солнце только скрылось за домами на другой стороне реки, начинало холодать, но мальчики не желали покидать свой пост. Зас был рад возможности дать отдых ногам, и болтал без умолку, развлекая сына хозяев. Тот слушал в пол-уха – мыслями он вместе с отцом запирали дверь лавки.

Днём ранее зажиточный местный житель устроил в магазине скандал. Он обвинял отца Денета, что тот продал его сыну книгу о магии. Мол, тому надо было думать о поступлении в Орден Защитника, а здесь ему помогали забить голову всякой ересью. Отец удивился такому настрою и агрессии, но на всякий случай попросил сына остаться дома на несколько дней.

Денет не был рад такой перспективе, но спорить с родителями не смел. Зас рассказывал ему, что жена того горожанина погибла странной смертью, мол тело ее, замороженное, всплыло в реке. Мальчик добавил еще немало деталей, то ли придуманных, то ли он и правда был свидетелем тех событий.

Многие тогда подозревали сына бедной женщины. Тот и раньше проявлял магические способности, но считался добрым и милым парнем, а потому местные жители так и не поверили, что он может убить.

– Если только по случайности... – закончил своё повествование Зас.

Скрипнули ворота, и на пороге показался отец Денета. Он выглядел обеспокоенным, и за ужином рассказал:

– Сегодня снова приходил, искал сына. Говорит, они поссорились, он разнёс гостиную и исчез. Просил сообщить ему, если встретим. Но я очень надеюсь, что не встретим.

Всё оставшееся до сна время родители молчали. Отец лишней раз проверил заперты ли ворота, закрыты ли окна и двери. А мать дольше, чем обычно, сидела с мальчиками в комнате. Когда она наконец ушла, Зас и Денет взволнованно переглянулись. Для них, в отличие от взрослых, маги были диковинными зверями, но не опасными, а интересными. Было время, они за игрой представляли себя могущественными колдунами. Им чудились битвы, побеждённые враги и непременно чествование отваги и непревзойденной магической силы героев. Они долго еще болтали, прежде чем сон одолел обоих.

Денет проснулся не от дыма. Его разбудил женский крик. В нем было столько боли и страха, что этот пронзительный вопль стал его вечным спутником. Он не сразу осознал, что кричала его мать. Из-за двери стал просачиваться дым. Мальчик хотел прийти на помощь, но Зас схватил его за руку и потащил к окну. Денет не понимал, почему должен бежать, если там, в соседней комнате гибнут его родители.

– Быстрее! Уходим! Позовем соседей – они помогут! – Зас упорно тянул друга к выходу. Денет колебался еще секунду и неуверенно кивнул.

Руки тряслись, щеколда не желала поддаваться, но Зас наконец распахнул окно, вылез наружу и подал Денету руку. В тот миг, когда их пальцы сцепились, раздался грохот – дверь отлетела в сторону, впуская в комнату огненного монстра. Это чудовище не могло быть пожаром. Это было живое, огромное пламенное существо, в момент пожирившее всё, до чего могло дотянуться. Денет не стал исключением. Казалось, сознание оставило его раньше, чем огонь обхватил тело множеством голодных рук.

Он умер. Он должен был умереть.

Когда первый глоток воздуха раскалённым кинжалом вонзился в его грудь, Денет вцепился пальцами в мокрую траву. Он не хотел дышать, это было больно и неправильно, но его тело решило жить. Мальчик едва успел повернуться на бок, и его вырвало на землю. Ту землю, которая была влажной от недавно прошедшего дождя, ту – на которой не было огня.

Рядом с Денетом лежал Зас. Мальчик схватил друга за плечи и попытался привести в чувство. Но тут же осознал, что тот мертв. Слух вернулся к нему, и Денет услышал свой крик, больше похожий на звериный вой. Он всё ещё не верил, не хотел верить, что всё случилось наяву, что его родители не выбрались из дома, не спаслись.

Денет посмотрел в сторону окна, из которого еще недавно они смотрели на звёзды, и запахи настигли его. Мальчик не слышал подобного, не понимал, на что это может быть похоже. Но одно он знал – то, что заставило его рухнуть обратно на землю, обхватив голову руками. То, что сжало его грудь, заперев внутри воздух и крик.

На месте родительского дома оказались стремительно догорающие руины. Казалось, не уцелел даже камень в основании. По городу пронёсся пронзительный звук сирены – кто-то из соседей добрался до пожарного гудка. Со всех сторон сбегались люди. Некоторые пытались тушить, другие – нашли Денета. Он так и сидел на траве, глядя перед собой, глядя в прошлое, которое уже не вернуть, родителей, которые никогда его не позовут, друга – который должен был жить.

Время настоящее. Таробан. Лестница Таймины.

Дейну всё ещё трясло, но последний пролёт лестницы она преодолела, не хватаясь то и дело за поручень. Нейтель сдерживал попытки Бартича сбежать, а точнее – уползти. Гестер осматривал тело юноши.

– У тебя есть не больше минуты.

Девушка не поняла, к кому была обращены эта фраза Совы, но мастер кивнул, жестом подозвал Грату и, указав на неприятеля, сказал:

– Он должен заговорить.

Грата молча подошла к лежащему на земле и стонущему Бартичу, взяла его за руку и нежно заговорила:

– Я помогу тебе, уберу боль. Но ты ответишь на вопросы мастера.

– Ты убьешь меня, – сквозь зубы бросил Бартич.

– Нет, – Грата покачала головой, – посмотри мне в глаза. Я не убью тебя.

Он думал меньше секунды, глядя прямо на девушку, и кивнул. Грата положила руку ему на лоб и тихо сказала:

– Почувствуй, как уходит боль.

Лицо Бартича расслабилось, он перестал ерзать и заговорил:

– Вы хотите знать, кто меня нанял? Клай. Он говорил, что хотел бы видеть Эвию во главе семьи. Якобы боролся на ее стороне во время мятежа. Вот только говор у него не местный, как будто только с севера приехал.

– Много у кого говор не местный, – заключил Ней. – Что случилось с Дешоном?
– Он оказался магом. Клай перепугался, когда этот попытался сжечь веревки. Оттяпал ему руки, я не успел ничего сделать.

– Зачем вы вообще его похитили?

– Мы не похищали, – Бартич замотал головой, – он сам пришел и стал спрашивать, говорить, что мы не те, за кого себя выдаем. Вот Клай и...

– Конечно, Клай. Не ты же, – мастер недобро усмехнулся.

– Не я. Я не мог ему помешать...

– Где он?

– Не знаю. Знаю только, что он очень ждал прихода корабля с Южных Островов, “Сафина”, кажется. Помогите мне. Девчонка боль убрала, она и вылечит, да?

Мастер не ответил. Он кивнул Гестеру, и тот взял на руки Денета и положил рядом с неудачливым заговорщиком.

Бартич попытался отодвинуться, но Грата взмахом руки вернула ему его боль, и он разразился проклятьями в адрес всех, кто заставляет его страдать. Сова за запястье схватил страдающего, положил его руку на руку Денета и крепко прижал.

– Какого... вы творите? – Дейна обратилась к Нею.

– Стой тихо, будь добра. И лучше где-нибудь в стороне. У меня руки чешутся тебя придушить, – голос мастера звучал ровно, спокойно и доброжелательно, но девушка поняла, что спорить ей не стоит хотя бы из чувства самосохранения.

С минуту ничего не происходило. Дейна нервно поглядывала на спутников, те же как будто чего-то ждали. Происходящее казалось девушке неправильным. За прошедшее с момента падения недолгое время она успела сотню раз себя проклясть. Пусть не она столкнула юношу с лестницы, как и не она убила Дешона, но ее действия стали тем ключом, который повернул историю к несчастливому концу.

Вдруг Бартич, до того стонавший или ругавшийся, резко замолчал и застыл.

– Нет-нет, что вы делаете? Защитник... Я же все сказал. Нет. Я не убивал...

Последние слова он произнес едва слышно. Вдохнул и замер. Стеклянные испуганные глаза смотрели в небо, словно он все еще молил о пощаде, но не своих беспощадных палачей, а Защитника, оставшегося безучастным к просьбе того, кто, быть может, первый раз в жизни вспомнил о нем.

Миг. Другой. Третий.

Денет выдохнул и закашлялся. Дейна закрыла лицо руками. Все, чему ее учили, все законы мироздания, которые она знала, сейчас рухнули под натиском того, что она видела собственными глазами. Видела, но не верила. Она знала о людях, которых у смерти украли маги. Но те люди были живы – слабы, изранены, едва дышали, хрипели и плевали кровью, но – живы. Тело же Денета, изломанное, лежащее на бревнах, стояло перед ее внутренним взором.

В мир девушку вернул голос Нейтеля.

– Пошли кого-нибудь за мастером Игионом. И выясни, когда придет этот корабль. И... закончи здесь сам. Дейна?

Девушка вздрогнула, отняла руки от лица и посмотрела на Денета. Он не пришел в себя, но продолжал дышать.

– Дейна? – вновь позвал мастер, и она перевела на него взгляд. – Соберись. Сегодня тебе не удалось никого убить.

Слова встряхнули девушку. Ей вновь захотелось при первой возможности отправить Нею к праотцам вместо того, чтобы убиться самой.

– Ты в курсе, что с таким отношением друзей не проживешь?

– Зато ты снова в строю и готова действовать, – мастер пожал плечами. – Да и в друзья к тебе я не стану набиваться. Сама понимаешь, твои друзья...

– Я уже готова тебя убить, – резко вставила Дейна.
– Вот и отлично, – улыбнулся Нейтель. – Найди повозку. Иначе сама на руках потащишь Денета.

Поздний вечер. Таробан, на правом берегу, в двух... нет, трех поворотах от трактира "Старый колдун".

Первым, что он услышал, было потрескивание тлеющего в трубке табака. Запах пришел мгновением позже. Денет поморщился и открыл глаза. В комнате было темно, но он отчетливо видел плотные шторы, очертания стола и фигуру в кресле мастера.

– Добро пожаловать обратно, – юноша узнал голос Сова.

– Что случилось?

– А что ты помнишь?

– Помню как меня кто-то толкнул. Или я его толкнул? Мы бежали с Гратой за вами...

Денет осекся и резко сел.

– Зачем Дейна в меня стреляла? Нет, стоп. Меня же не было возле рынка?!

Юноша уставился на Сову, откуда-то точно зная, что он видит всю гамму эмоций на его лице. Гестер выдохнул дым, поставил трубку на подставку, подошел к окну и распахнул шторы. Комната, перед глазами юноши перекувыркнулась и из очертаний и теней превратилась в обычный домашний кабинет Нейтеля, слабо освещенный поздним вечером.

– Его воспоминания – теперь твои. Не все, конечно. Лишь те, которые ты успел ухватить. Потом может что-то еще прийти, но не обязательно. Уже к утру воспоминания станут похожи на книгу, которую ты прочитал и представил себе. Во всяком случае так говорят.

– Это какой-то ритуал мастера? Это он сделал?

– Нет, – Сова покачал головой, – это твои умения.

– Я не умею ничего такого.

– С какими-то умениями мы рождаемся, другие приобретаем. Или теряем...

– Нет-нет, я такого никогда не умел. И не надо. Зачем мне его воспоминания? С ним можно поговорить, убедить... Нет, вы же уже говорили со мной... Нет, с ним!

Денет закрыл лицо руками и тихо застонал. Его обычно четкие и понятные мысли с бешеной скоростью носились от одной картинке к другой. Он то видел перед собой лицо Граты, то бежал вверх, то вдруг сталкивал себя с лестницы, то ощущал, как приземлился всем телом на что-то безумно жесткое. Денет едва улавливал это воспоминание. Оно то и дело норовило ускользнуть и спрятаться в ворохе других образов. Но юноша понял, что после – его собственной памяти не стало. Денет с надеждой посмотрел на Гестера:

– Я потерял сознание?

– Ты умер. Ну или попытался во всяком случае.

– Нет, – юноша затряс головой. – Чушь. Где мастер?

– Думаешь, он тебе скажет что-то другое? Не скажет. Природу твою я опишу тебе позже. То, что знаю сам, по крайней мере. Пока сосредоточься и прими – ты жив. Он умер. И, не знаю как тебе, а мне такое положение вещей нравится. Не ты забрал его жизнь. Твое тело забрало, твоя природа. Хотел ты этого или нет.

– Вы помогли.

– Мы помогли, – эхом ответил Сова. – Лучше он, нежели ты. Как минимум потому, что Нейтель успел к тебе привязаться.

– Все же где он? – Денет продолжал упорно считать, что присутствие мастера могло бы ему помочь.

– Ушел. Может, к утру вернется. Как раз успеешь привести мысли в порядок.

– Это наврядли, – Денет покачал головой.

– Зря, – Сова усмехнулся. – Людские эмоции преходящи, хоть и глубоки. И как бы долго ты не летел вниз, в конце концов расшибешься. Прости за сравнение. Наваяло прошедшим днем.

Юноша ничего не ответил, только откинулся на спинку дивана и закрыл глаза. Гестер не сказал многого, но Денет уловил суть – он выжил, потому что умер другой. И чужие воспоминания, сновавшие в голове, как у себя дома, кричали, что он также жил, также хотел жить. Кем бы он ни был, юноша ощущал его равным себе живым существом, не заслужившим принести такую жертву.

Но на фоне всего это шума и гама, тихо проснулось и потягивалось чувство другого толка. Чувство, что все так, как должно быть, что погибший не был равным, что он был средством жить. Это чувство терпеливо дожидалось, пока хозяин успокоится и перестанет бредить.

9.

«...Поступок ваш я не могу осудить. Но лишь потому, что так завещал нам Защитник: «Не судить других, но особенно – себя». Лишь смею надеяться, что результат вашего деяния не обернется бедой ни для кого, и в первую очередь – для вас самих...» (из письма Даина Лейкенсати к брату. 3490 год, Таробан).

Таробан – многоликий город. Ближе к Цитадели, к домам правящей семьи старались держаться те, в чьих кошельках золото не переводилось. Их дома были вычищены и украшены, платья новы, а дети, супруги и любовники не знали отказа.

Однако жили здесь и те, кто держался в стороне от местной власти, те, кому не были рады ни в одном городе. Пока Миритер и его сестра боролись за трон, они не меняли распорядка своего дня. Им было все равно, кто победит, покуда он считает их опасными зверьми и старается держать подальше от себя, своей семьи. Впрочем, ни один правитель уже не представлял до конца ни сколько их, ни насколько близко к ним проводит свои дни.

Вооруженный человек здесь не был замечен, а вот форма правящей семьи одних заставляла захлопывать ставни и двери немногочисленных лавок, а других – незаметно следовать за чужаком, ожидая, когда он по своей воле или нет покинет их территорию.

Одинокий путник в потертых сапогах не привлек внимания местных обитателей, несмотря на поздний вечер, плотно надвинутый капюшон и угадывавшуюся под одеждой пару надежных клинков. Доски деревянной мостовой скрипели под его ногами, редкие фонари старались осветить лицо. Немногие встретившиеся по пути торопились укрыться в домах или благоразумно отступали в сторону.

Невысокое покосившееся строение с заколоченными окнами создавало обманчивое ощущение заброшенного. Короткая дорожка заросла травой, а сквозь деревянный порог и вовсе проросло небольшое деревце. Справа от дома в подвал вела лестница. Пары ступеней не хватало, но путник привычно перешагнул пустоты и уже поднял руку, чтобы постучать в дверь, как ему открыл мужчина. Открыл и радостно выдохнул, словно увидев давнего друга.

– Наконец. Мы так ждали вас. Проходите, прошу.

Из небольшой комнаты, едва освещенной лампой под низким потолком, хозяин и гость спустились в просторное помещение, где их встретили две женщины. Одна из них, немолодая с заплаканным лицом, в выцветшем платье, осталась сидеть на грубом деревянном табурете, лишь подняв усталые глаза на пришедшего. Другая, молодая с длинной темной косой, перетянутой голубой лентой, недоверчиво покосилась и спросила:

– Сможете ему помочь?

– Мейв, что сможем – сделаем, сама знаешь, – устало ответил хозяин.

– Знаю, Киран. Оттого и переживаю, – девушка кивнула. – Он давно пришел в город. Все топтался возле нас. А теперь, видать, совсем плохо стало, вот и попросил о помощи. Еще бы не разнес при этом половину лавки тетушки, – Мейв махнула рукой в сторону женщины. – Помоги ему, ринар.

Нейтель откинул капюшон и зашел за протертую до дыр простыню, служившую ширмой для небольшой кушетки и крошечного стола, на котором едва помещалась лампа и бутылка с водой. На полу слабым синим светом горел почти истощенный защитный амулет – одно из мощных устройств Граты, способное поглотить и скрыть мощнейшие магические всплески.

Мальчишка казался моложе Денета. Отросшие светлые волосы прилипли к вспотевшему лицу. Иссохшие губы раз за разом шептали заклятие, точнее слова, которые могли бы быть таковым, если бы у парнишки оставались силы сконцентрироваться.

Вдруг бутылка с водой задрожала, затряслась, описала круг по столу и резко полетела. Нейтель едва успел пригнуться – она со свистом пронеслась мимо его головы и вдребезги разбилась о стену. Мальчик забился на кровати, продолжая произносить заклятие, теперь уже криком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.